

Ледяное проклятие

Автор:

Дем Михайлов

Ледяное проклятие

Дем Михайлов

Мир ИзгояИзгой #4

Прошли столетия с тех пор, как отгремели чудовищные войны магов, и половина континента превратилась в покрытую пеплом пустошь, непригодную для жизни. Некогда великолепные города теперь лежат в руинах, населенных чудовищами и нежитью, настолько опасными, что пришлось возвести пограничную стену, дабы оградить мирных жителей от смертельной угрозы. Так появились Дикие Земли... Четвертая книга из цикла Изгой. Барон Корис Ван Исер был готов умереть, но Высшие силы отвергли его душу, и ему пришлось вернуться на брэнную землю. Израненный, насквозь промороженный и больше похожий на выходца из ледяного ада, чем на человека, но он жив и готов продолжать борьбу за выживание своего поселения. Теперь, чтобы вернуться домой, ему придется преодолеть долгий и наполненный опасностями путь через Дикие Земли, да еще и попытаться раскрыть тайны давно минувших веков.

Дем Михайлов

Ледяное проклятье

Пролог

Смерч из сияющего ослепительно белого света медленно поднимал меня вверх и, раскинув руки в стороны, я полностью отдался его власти. Все мое существо наполнило чувство безмятежного покоя. Пред широко раскрытыми глазами переливался радужный поток из миллиона цветов и оттенков, через тело перекачивались ласковые теплые волны, нежно подталкивая меня все выше и выше.

На плечо опустилась чья-то мягкая рука. Лениво повернув голову, я взглянул в собственное лицо. Беспокойства от появления двойника я не ощутил. Значит, так и должно быть. Приложив правую руку к груди, двойник склонил голову в приветствии и улыбнулся несколько смущенно и словно виновато. Еще раз сжал мое плечо дружеской хваткой и медленно растаял в окружающем нас свете без следа. Но я уже смотрел в другую сторону – наполовину скрытый клочьями светящегося тумана ко мне направлялся широкоплечий незнакомец, закованный в доспехи, с огромным мечом за плечами. Остановившись в шаге от меня, он снял шлем и, сохраняя серьезное выражение лица, коротко поклонился. Выпрямившись, кивнул на прощание, и его и без того полускрытая туманом фигура начала истончаться и таять, словно кусок льда на солнце. И опять я воспринял это, как само собой разумеющееся, и кивнул в ответ. Оба гостя показались мне смутно знакомыми, словно я уже видел их прежде. Сознание лениво всколыхнулось в попытке вспомнить и опять впало в ленивую дрему.

Поддерживающий мое тело поток сгустился и подтолкнул меня вверх, туда, где сияние было особенно ярким и пылало, словно серебряное ласковое солнце. Меня поднесло вплотную, и я уже протянул руку, желая дотронуться до этого великолепия, но не успел. Движение резко остановилось, и я завис в шаге от сердца медленно вращающегося водоворота. В ушах загредел сильный, но не злой, а скорее безразличный голос:

– Его нет в списках.

Ощущение опоры исчезло, и я стремительно понесся вниз, с недоумением глядя на отдаляющее все дальше сияние и переплетение радужных красок. Еще мгновение, и все скрыл густой серый туман, темнеющий с каждой секундой, пока не превратился в непроглядную тьму. Сознание медленно потухло, и я погрузился в холодное оцепенение...

Глава первая

Пробуждение

Сначала я услышал шум ветра. Резкие порывы со свистом проносились надо мной, пронзительно скрипели ветви деревьев, сгибаемые безудержным напором северного ветра.

Затем начали возвращаться остальные чувства – сквозь прикрытые веки пробился скупой луч света, спина ощутила, что лежит на чем-то жестком и ребристом, в ноздри проник густой запах дыма.

Медленно открыв веки, обнаружил, что вижу серое зимнее небо и смотрю на него, словно со дна хрустального колодца. Еще несколько мгновений понадобились сонному разуму, чтобы понять, что это вовсе не колодец, а достаточно тонкий слой льда, покрывающий мое лицо почти полностью. А судя по тому, что я не мог пошевелить конечностями, лед покрывал все тело. Но каких-либо неудобств я не ощущал, равно как и холода. Просто чувство некоторой скованности, словно лежу под толстым тяжелым одеялом и могу откинуть его в любой момент. Досадная помеха, не более.

Но не это занимало сейчас мои мысли. Последним воспоминанием был момент смерти. Моей смерти. Каменный багровый саркофаг, неудержимо скользящий вниз по крутым ступеням, врезавшаяся в бедро цепь, увлекающая меня за собой, черная мертвая вода, неотвратимо смыкающаяся над головой, пузырящийся воздух, вырывающийся из моего распахнутого в беззвучном крике рта...

И какой-то белый светящийся туман, призрачные фигуры закованного в доспехи рыцаря и самого меня, с виноватой улыбкой на губах, чей-то грохочущий голос и стремительное падение в темноту...

Я умер и должен лежать на илистом дне глубоко под водой! Рядышком с утопленным саркофагом, в котором покоится тело Тариса – древнего некроманта из императорского рода Ван Санти.

Но вместо посмертного покоя я отчетливо ощущаю свое тело, я могу думать, могу ощущать и видеть... Видеть небо с плывущими по нему темными тучами.

«Кажется, дождь собирается... – мелькнула у меня в голове дурацкая мысль. – Может быть, я все же мертв и это рай? Сейчас встану и сразу узрю райские кущи и прекрасных дев, что только и ждут моего пробуждения».

Но в глубине душе я на такой исход событий не надеялся. Это с моим-то везением да в райские кущи? Размечтался...

Поняв, что, праздно лежа на спине, многого не добьюсь, я напряг мышцы и постарался сесть. И мне это удалось. Под легкий звон разлетающихся осколков льда и непонятного хруста я поднял туловище вертикально и уперся руками в снег. Тряхнул головой, ощущая, как с волос и лица сыпается мелкое ледяное крошево.

Первым, что я увидел, была каменная пирамида, вздымающаяся из воды предо мной. Кромка берега в пяти шагах от моих ног, все еще скрытых под толстым слоем льда и слежавшегося снега. Мрачное ступенчатое строение было как на ладони.

Жертвенный зиккурат Тариса.

Это точно не рай. Скорее всего, я прямиком провалился в ад.

Создатель, где же я так нагрешил-то?

Я с надеждой несколько раз моргнул, но картина в целом не изменилась, за исключением появившейся в поле зрения черной фигуры, частично заслонившей мрачное строение. Со столь знакомым скрипом доспехов фигура наклонилась и внимательно изучила мое лицо сквозь узкие смотровые щели изрядно исцарапанного шлема.

Ниргал собственной персоной.

Из нижних отверстий шлема вырвалось облачко горячего пара, на мгновение показалось, что в лицо плеснули крутым кипятком, и с рыком боли я отпрянул назад. Ниргал тотчас распрямылся и приветственно ударил себя стальным кулаком в грудь. Две мощные руки обхватили меня сзади за плечи и одним рывком вздели на ноги. Инстинктивно оглянувшись, я, как и следовало ожидать,

узрел еще две массивные фигуры. Вся троица ниргалов в сборе и по своему обыкновению безмолвно ждуют моих приказов. Чтоб тебя...

Солнце на секунду показалось из-за края тучи и пустило луч прямо мне в глаза. Прищурившись, я поднес ладонь, чтобы прикрыть их от солнца и оторопело замер – моя рука просвечивала насквозь. Казалось, что она вылеплена из дымчатого хрусталя. Сквозь полупрозрачную кожу отчетливо просматривались линии вен и капилляров, виднелись более темные сухожилия и мышцы. В самой глубине руки различалась кости и суставы пальцев. Переведя застывший взгляд на другую руку, я убедился, что она выглядит точно так же. Неловко действуя прозрачными пальцами, поспешно распахнул смерзшуюся хрустящую куртку и с еще большим ужасом уставился на обнаженную грудь, небрежно перевязанную лентами заиндеветевших бинтов, между которых виднелась матовая полупрозрачная кожа. Многочисленные раны бесследно исчезли, оставив после себя едва различимые пятна более светлой кожи. Различив между хрустальных ребер что-то, очень сильно напоминающее слепленное из белоснежного льда сердце, я поспешно запахнул куртку, зябко обхватил себя за плечи руками и отрешенным взглядом уставился в пустоту.

Создатель милостивый и всемогущий...

Я не человек. Я просто смерзшийся кусок снега. Оживший снеговик, небрежно слепленный деревенской ребятней ради забавы.

– Успокойся, Корис, – глухо пробормотал я. – Успокойся и держи себя в руках. Сначала надо разобраться, понять что к чему... ниргалы! Вот ты. – я ткнул пальцев в первого попавшегося истукана. – Как я попал на берег? Как я выбрался из воды?

Воин поднял руку и указал на стоящего рядом собрата.

– Ты меня вытащил? – уточнил я, и ниргал изобразил полупоклон, подтверждая мое предположение.

– Сколько дней я был без сознания?

Ниргалы одновременно выставили перед собой ладони с четырьмя оттопыренными пальцами.

– Четыре дня? – на всякий случай уточнил я, боясь, что с тем же успехом мог провалиться в ледяной кровати и четыре месяца. Или четыре года... вот славно-то будет.

Мои страхи оказались напрасны – ниргалы безмолвным ответом показали, что без сознания я оставался лишь четыре дня. Уже радуется.

– Ладно. – кивнул я, глядя на укрытую попоной лошадь, пригревшуюся рядом с пылающим костром. К счастью, костер располагался от меня не менее чем в десяти шагах, и я не чувствовал его невыносимого жара.

– Что-нибудь происходило за эти четыре дня? Необычное, странное, необъяснимое? Ну, например, что-то вроде злобно ругающегося мокрого скелета, вышедшего из озерных вод, с торчащим кинжалом между ребер?

Ниргалы жестами показали, что за четверо суток ничего необычного не происходило. И попробуй угадай, что именно они принимают за «необычное», а что считают рядовым случаем. Они столь же эмоциональны, как каменный утес. Проклятье. Эти односложные жесты начали меня утомлять. Почему, когда мне требуется неумная говорливость Лени, рядом со мной оказываются немые ниргалы?

Лени и Тикса... два верных друга, которых я отослал обратно к Подкове. Они еще в пути, и, возможно, даже не добрались до реки Асдоры. Сменных лошадей у них нет, поэтому сильно торопиться и загонять животных до полусмерти они не будут. В любом случае у них много дней форы, и мне не удастся их нагнать, тем более следовало учитывать пеших ниргалов и глубокий снег, в котором они будут вязнуть. И не только ниргалы будут двигаться на своих двоих – глубоко сомневаюсь, что я смогу приблизиться к пыхающей жаром лошади ближе, чем на три шага. Лед любит холод и гибнет от тепла.

Опять же, стоит ли мне идти следом за Лени и гномом?

Даже если я их догоню, что дальше? Я больше не человек, а очередной больной выверт Диких Земель и наполняющей их магии. Вообще не представляю, почему я еще жив – если это можно назвать жизнью... Хотя и не ощущаю близкой смерти, как это было меньше недели назад. Никаких болевых ощущений, раны

закрылись, полная подвижность всех конечностей, ясное мышление. Ничто не свидетельствовало о скорой кончине.

За эту мысль я зацепился и развил ее дальше. Я не знаю, что со мной случилось. Возможно, это магия, возможно – странная болезнь, вызванная проникновением ледяных прутьев-щупалец в мое тело. Но ведь я могу постараться разобраться в этой загадке! Все что требуется – вернуться к ловушке и внимательно осмотреться. Может, и сумею что понять. Решено!

Вернусь по нашим следам до той злополучной лощины с ледяными деревьями. Этим же путем должны пойти и Тикса с Лени. После того как меня серьезно покалечило ледяными ветками, я двигался напрямик, и не составит труда вернуться тем же путем. Почти до самой реки, затем мимо островного поселения, возглавляемого водным магом. Вот дальше начнутся трудности – мы изрядно петляли, отклонялись в сторону, чтобы изучить приметные места, проверить россыпи камней и склоны холмов на наличие железной руды или угля. Точный маршрут указан на карте, которую я отдал Лени. Вместе со своей книгой заметок. Значит, после реки придется двигаться наугад, придерживаясь направления по звездам и памяти...

Приняв решение, я развернулся к ниргалам и распорядился:

– Собирайтесь. Выступаем! На лошади поедет кто-либо из вас – я буду двигаться пешком.

Судя по тому, как меня ошпарило горячим дыханием ниргала, теплобоязнь дошла до предела. К лошади мне не подойти.

Ниргалы двинулись к костру, рядом с которым лежали седельные сумки, а я озадаченно уставился на аккуратный ряд продолговатых сугробов, расположенных чуть поодаль от берега. Слишком правильный и ровный ряд, чтобы быть творением природы. Заинтересовавшись, я направился к сугробам, заодно проверяя, насколько устойчиво держусь на ногах. Как выяснилось опытным путем – ноги держали меня более чем удовлетворительно и легко сгибались в коленях и щиколотках. И это странно – непереносимость тепла, холодное и почти прозрачное тело – все указывало на то, что я превратился в ледяную глыбу. Но ведь лед не гнется! Само словосочетание «гибкий лед» казалось бредом сумасшедшего. Но именно это определение намертво застряло

в голове, и я никак не мог переключиться на другие мысли.

Гибкий лед... где-то я уже слышал об этом или даже видел...

Добравшись до интересующих меня сугробов, я наклонился и ладонью смел нанесенный снег. И едва не отпрянул в сторону – замерзшими глазами на меня тарачился мертвый шурд. Так...

Перейдя к следующему сугробу, я уже более решительно разметал снег в стороны и увидел еще одного гоблина. Этот красовался перерезанным горлом от уха до уха. Оглядевшись по сторонам, убедился, что идущих ровным рядом холмиков никак не меньше двух десятков, может, чуть больше.

Уже увиденные мною тела целы – если не считать нанесенных оружием ран – никаких видимых следов разложения, нет отметок от звериных зубов. Погибли совсем недавно и, несомненно, это работа ниргалов. Когда четыре дня назад я стоял на этом берегу и готовился к переправе к пирамиде Тариса, никаких трупов здесь не наблюдалось.

Хмыкнув, я ворчливо буркнул:

– За четыре дня ничего необычного не происходило. Ну да... всего-то пара десятков шурдов наведалься в гости. Мелочь какая, не стоит упоминания.

Пройдясь между снежных холмов, я небрежно раскопал еще пару сугробов и убедился, что в каждом скрывается мертвый шурд. Омерзительные перекошенные судорогой рожи, плешивые головы с жалкими прядями уцелевших волос, гнилые зубы, искривленные руки и кривые шеи. Обычные темные гоблины. Искореженные черной магией детища Тариса, пережившие своего создателя. Непонятно одно – что они тут потеряли?

Человеческих поселений здесь нет – во всяком случае, я твердо помнил, что на карте не было подобных отметок. Окрестности не располагают к охоте, озеро выглядит мертвым, и не похоже, чтобы в нем водилась рыба. Во всяком случае, во время своего невольного погружения, я никакой живности не заметил. Однако шурды все же решили навестить это место.

Пока размышлял, руки машинально слепили снежок и перебрасывали его из ладони в ладонь. На очередном броске я не ощутил шлепка снежного кома о ладонь и с легким недоумением уставился вниз. Снежок бесследно исчез. Для верности оглядевшись по сторонам, я не смог обнаружить ни самого снежка, ни места его падения. Вокруг нетронутый следами снег. Озадаченно почесав затылок, я огляделся еще раз и закончил с тем же результатом – снежок испарился. Решив, что он просто рассыпался в снежную пыль, я плюнул на глупую затею и вернулся мыслями к погибшим шурдам. Какого Темного они здесь потеряли?

Первым делом свистом подозвал одного из ниргала – заодно подивившись необычно высокому и переливчатому звуку, вылетевшему из моего рта. Пока ниргал добирался, я окончательно раскопал снег вокруг одного из шурдов и, небрежно слепив снежок, возобновил броски – хотел проверить, насколько хорошо меня слушаются прозрачные ладони и пальцы. Будет весьма печально, если во время возможного боя я обнаружу, что не в состоянии удержать меч.

Подошедший ниргал по своему обыкновению застыл в двух шагах от меня, дожидаясь указаний. Ткнув пальцем в откопанного из-под снега шурда, я коротко спросил:

– Ваша работа?

Дождавшись утвердительного наклона, я задал следующий вопрос:

– Они все пришли одновременно? Все сразу?

Еще один согласный наклон.

– Когда это было?

Ниргал показал три пальца.

Три дня назад...

Спустя день после того, как я погрузился в беспамятство и оказался погребен в глубоком сугробе.

Я хотел спросить, зачем именно сюда наведывались гоблины, но вовремя спохватился – в лучшем случае я бы дождался от ниргала лишь ничего не объясняющих скупых жестов. Да и сомневаюсь, что ниргалы стали тратить время на то, чтобы понять цель шурдов. Мои охранники простые как топор: увидел врага – убивай смело.

Но какие-то сведения я все же получил – темные гоблины прибыли сюда одновременно. Прибыли одни, без сопровождения сгархов и пауков. Хотя...

– Гоблинов сопровождали сгархи? Огромные пепельно-серые или черные звери?

Ответ отрицательный...

– Костяные пауки?

Ниргал три раза ткнул пальцем в расположенные с краю сугробы, до которых я еще не добрался. Значит, три паука все же было. Но опять ничего не понятно.

Шурдов слишком много для обычного разведывательного патруля и слишком мало для полноценного боевого отряда. Сами по себе гоблины вояки аховые, без поддержки нежити и сгархов они пустое место. А три паука это не серьезно. Больше похоже на то, что слепленную из человеческих костей нежить взяли с собой на всякий случай – так отправляющие в лес грибники берут с собой пару дворовых собак. Тоже на всякий случай. Вроде опасности и нет, лес давно исхожен вдоль и поперек, но вдруг на пути попадет оголодавший волк...

Поняв, что больше не выужу из ниргала ничего полезного, я вернулся к изучению застывшего трупа и сразу наткнулся на странность. На запястьях и щиколотках шурда отчетливые следы от веревки, глубоко врезавшейся в тело. И явно шурд был связан при жизни, а после потери оной веревку сняли за ненадобностью. Из ран я обнаружил лишь странное отверстие на шее, больше всего похожее на след арбалетного болта.

Ничего не поняв, я вновь повернулся к ниргалу, ткнул пальцем в труп и спросил:

– Это вы его связали?

Закованный в металл воин с легким скрипом доспехов в очередной раз наклонился, отвечая утвердительно. А я еще больше запутался. Ниргалы не брали пленных – разве что по прямому приказу хозяина. Но ведь сам хозяин – то есть я – в это время мирно спал в сугробе и не мог отдавать приказы.

– А потом он вам надоел, и вы его пристрелили, да? – неуверенно предположил я, окончательно потеряв путеводную нить логики.

Ответив отрицательно, ниргал ткнул пальцем в мертвого шурда, достал из-за пояса металлическую трубку, жестом показал, как втыкает ее в шею гоблина, затем издал хлюпающий сосущий звук, хорошо мне знакомый – с таким вот неприятным хлюпаньем мои железные телохранители высасывали из фляг омерзительную серую кашу.

– А? – опешил я, обессилено плюхаясь в снег. – Вы что, сожрали его, что ли? Высосали кровь через трубку?

Ниргал согласно закивал, едва сгибая окутанную кольчугой и пластинами брони шею.

– А каша? – слабым голосом поинтересовался я.

Воин развел руками, показывая, что каша закончилась. Сорвал с пояса флягу и протянул мне вместе с трубкой. Поняв, что именно содержится во фляге, я сдавленно закашлялся и едва выдавил:

– Нет, спасибо – я пока сыт. Кровавым питьем потом побалуюсь как-нибудь. Ну вы, блин, даете... вампиры доморощенные. Ты иди к остальным, и готовьтесь к отбытию. Покушайте там чего-нибудь на дорожку...

Вернув флягу с трубкой на пояс, ниргал зашагал обратно к костру, а я ошеломленно встряхнул головой и вернулся к изучению обескровленного трупа. Вернее, к изучению его странного одеяния.

Обычное облачение гоблинов состояло из перепоясывающего талию широкого кожаного пояса с многочисленными петлями и карманами. Зимой они одевались в шкуры, обматывая их вокруг ног и рук. Тело прикрывали меховые безрукавки.

Серая мрачная одежда из плохо выделанных звериных шкур без малейших претензий на красоту. Защищала бы от холода – и ладно будет.

Сейчас же можно предположить, что, не иначе, шурды направлялись на праздничную ярмарку или свадьбу и по этому случаю оделись в самое лучшее из того, что смогли найти в своих сундуках. На шеях намотаны тонкие веревки, унизанные разноцветными камнями, разнообразными монетками и позеленевшими от старости медными побрякушками. меховые одежды оторочены по краям яркими птичьими перьями. Да и сама одежда отличалась удивительной чистотой – ни грязных пятен, ни прорех. Как есть праздничный костюм, что бережно хранится и надевается только в очень особых случаях.

Представив почти два десятка роскошно разодетых шурдов – по их меркам, конечно – я окончательно уверился, что это была церемониальная процессия. И не требовалось долго ломать голову, чтобы понять, куда именно они направлялись. Достаточно взглянуть на озеро, из чьих темных вод вздымалась мрачная пирамида-усыпальница Тариса.

Гоблины шли к своему создателю – может, просто помолиться, а может, в очередной раз попытаться открыть Ильсеру. Вероятней всего – получить от своего божества наставления и дальнейшие инструкции. Вот и ответ, откуда у темных шурдов такие внушительные познания в некромантии и боевой тактике. Отсюда и скелеты гоблинов, что я видел рядом с Ильсерой – кто-то из шурдов рискнул приблизиться слишком близко и мгновенно поплатился жизнью. Или осознанно пошел на смерть, дабы попытаться вызволить своего ненаглядного Повелителя из каменной усыпальницы, поставив на кон собственную жизнь. Ведь наверняка такие попытки были до тех пор, пока заключенный в Ильсере некромант не понял их полную бессмысленность.

Бросив последний взгляд на мертвого гоблина, я поднялся на ноги и, обращаясь к трупу, произнес:

– Вам еще повезло, что так легко отделались – пришлось бы нырять, чтобы увидеться со своим божком, а водичка далеко не летняя.

Представив изумленные лица гоблинов, обнаружив они исчезновение драгоценного каменного саркофага, я фыркнул и отвернулся от обескровленного трупа. Направился уже к ожидающим ниргалам, когда осознал,

что мои руки опять пусты – уже второй снежок бесследно испарился. И на это раз я уверен, что не мог выронить его – снежок был прочно зажат у меня в ладони. Медленно и тщательно осмотрев их, я убедился, что глаза меня не обманывают. Снежка нет и в помине.

Сохраняя арктическое спокойствие, я нагнулся, зачерпнул две солидные пригоршни снега и принялся лепить сразу два снежка. Снег послушно сминался, сминался и... кончился. Мои ладони опять были пусты. Не осталось ни единой снежинки. И вот здесь меня озарило. Да так сильно, что я вновь плюхнулся в снег и слепо уставился в никуда.

Я вспомнил, где я уже видел «гибкий лед». И не только это...

...на моих глазах дрожащее марево колыхнулось и оттуда показалось что-то больше всего смахивающее на две когтистые лапы из мутного стекла. Лапы одновременно опустились в нанесенный у забора сугроб, зачерпнули по полной пригоршне снега и вновь исчезли в мареве...

...из состояния покоя тварь мгновенно перешла к действиям – одним быстрым движением она вытянула конечности вперед. На кончиках пальцев заискрились голубые вспышки, от которых исходило легкое потрескивание. Потрескивание перешло в гул, вспышки на пальцах слились в сплошную пляшущую дугу. Ладони твари ярко полыхнули пронзительно синим светом, раздался тяжелый сдвоенный удар...

Ледяной голем, встреченный нами в мертвом поселении Ван Ферсис! Парящая над землей тварь, словно вырезанная из цельного куска грязно-серого льда!

Вот где я видел подобное – оживший лед, когтистые прозрачные лапы, уминающие снег в ладонях и превращающие его в смертоносные ледяные стержни, с легкостью пробивающие кожаные доспехи и человеческое тело насквозь.

Но все же помимо сходства были и различия – хотя бы потому, что у меня все еще имелись ноги, которыми я прочно стоял на земле, тогда как убитая нами

тварь парила в воздухе. Да и руки у меня выглядят именно руками, а не страшными когтистыми лапами. В общем, толком ничего не понятно, и это еще один повод навестить ту самую лоцинку с ледяными деревьями.

Вспомнив о еще одной особенности своего злосчастливого тела, я суетливо развязал тесемки штанов и поспешно спустил их до колен. Благо холода я не чувствовал. Осмотреть левое бедро я не успел – из складок спущенных штанов вывалился темный игольчатый шар и беззвучно утонул в глубоком снеге.

Моя рука метнулась следом и практически сразу наткнулась на округлый предмет, утыканный мелкими острыми шипами. Сомкнув пальцы, я вытащил шар наружу и поднес к глазам. Магическая сфера. Матовый непрозрачный шар с множеством торчащих иголок. По одному из округлых боков сферы змеилась длинная извилистая трещина с разошедшимися в стороны краями. Вот так... Захлестнувшая мое бедро цепь от саркофага успела натворить дел, пока тащила меня по ведущим в воду крутым ступеням.

Переведя взгляд на бедро, я увидел на бело-серой коже рубец с плотно сомкнутыми краями. Для верности ощупав ногу пальцами, убедился, что нет и намека на рану. Сплошная ледяная плоть, едва заметно прогибающаяся под моим нажимом. Пока я был без сознания, мой перестраивающийся организм сам избавился от чужеродной сферы, буквально вытолкнув ее наружу. Другого объяснения я не находил. А главное – сфера мертва. Переключив восприятие на магический взор, я убедился в этом полностью. Ни малейшего всполоха энергии.

Оглядевшись по сторонам, я нашел взглядом небольшой радужный смерчик, радостно пляшущий рядом с поваленным стволом дерева – хотел удостовериться, что вижу энергетические потоки и не лишился этого дара после того, как превратился в кусок льда. Поддерживающая наложенные на меня заклинания сфера опустела, и, значит, печать Арзалиса разрушена. Из трех сосуществовавших в одном теле душ две должны были покинуть это пристанище. И судя по сну-воспоминанию, где я парил в сияющем тумане, они так и поступили, отправившись напрямиком на суд Создателя или еще куда. А моя собственная душа по какой-то причине решила остаться в насквозь замороженном теле полновластным владельцем.

Покатав на ладони мертвый кусок стекла, я небрежным движением отбросил треснувший шар в сторону и подтянул штаны. Неспешно завязал тесемки, подхватил с земли пригоршню снега и, машинально комкая его в ладони,

решительно зашагал к ниргалам, чувствуя, как мои ледяные губы расползаются в неудержимой улыбке. Первой улыбке за очень долгое время...

Я мог видеть магические потоки мироздания. А из этого следовал очень простой вывод – я живой. Пусть внешне я похож на восставшего из вечной мерзлоты мертвяка, но я все же был жив.

Мертвые не могут видеть магической энергии. Это привилегия живых. В глубине моей замерзшей души было темное сомнение на этот счет, но усилием воли я погасил его, предпочтя верить, что во мне еще теплится искорка жизни...

Не останавливаясь, я прошел мимо ниргалов и молча зашагал дальше, задавая достаточно быстрый темп передвижения. Черное озеро осталось за спиной, и я ни разу не оглянулся на ступенчатую пирамиду.

Ни к чему.

Этот отрезок жизни остался в прошлом, а я всегда предпочитал смотреть в будущее.

Пусть оно выглядело мрачным и туманным, подобно покрытому гнилостными испарениями болоту... Но все же это было будущее. А болото не может быть бесконечным. Во всяком случае я на это очень надеялся.

Отступление первое

– Отец Флатис наш спор бессмыслен! И, судя по необдуманным словам, тебя обуяла гордыня и спесь! Не тебе решать, как именно иерархи Церкви поступят с заблудшей душой лорда Ван Ферсис! Не тебе!

– Он должен быть казнен! На его руках смерть сотен безвинных людей! Некромант! Вы представляете себе весь размах его деяний?! Представляете?! Иерархи слепы и глухи, если не могут осознать ту опасность, что несет это порождение Темного пока остается в живых! Ему место не в темнице, а в очистительном костре! – седовласый старик с пылающим взором почти кричал, стоя перед широким дубовым столом, за которым в ряд чинно восседали пятеро священников, облаченных в пышные церковные одеяния.

– Одумайтесь! Вы переходите границу дозволенного! Хула на святые столпы церкви нашей! Ересь! Налагаю на тебя епитимью! Покаяние в подземной келье за закрытой дверью на воде и хлебе, доколе за думами и молитвами смиренными не раскаешься ты в грехах своих и словах хулительных! Братья-монахи! Препроводите отца Флатиса к месту его покаяния!

Двое широкоплечих монаха ступили вперед и встали по обе стороны от худощавого священника.

– И не советую противиться решению совета! – добавил сидящий в центре священник, поправляя висящий на богато украшенном поясе золотой ключ. – Наказание могло быть гораздо строже, но Церковь всегда милостива к заблудшим душам! Покайся смиренно, и через месяц мы вновь соберемся здесь, чтобы услышать исповедь раскаявшегося в грехах своих!

Вскинув голову, отец Флатис обвел медленным взглядом священников из ордена Привратников, скорбно качнул седой головой, резко развернулся и широким шагом направился к дверям, в сопровождении неотступно следующих за ним монахов.

* * *

Небольшая таверна на окраине пограничного городка была наполнена чадным дымом и запахом пригоревшего мяса. Десяток грубо сколоченных столов, тяжелые лавки, голые стены с потемневшей от времени штукатуркой и торчащими кое-где клочьями пакли – этим исчерпывалась обстановка сомнительного заведения. Несмотря на это и на более чем скудную и отвратную еду, таверна пустовала лишь в том случае, если получившие нахлобучку озлобленные стражники проводили внеочередной рейд по злачным местам и ночным улицам, вылавливая мелких воров, грабителей и шулеров. Вот тогда хозяин таверны мог смело закрывать двери и отправляться прямиком в постель – какая уж тут работа, когда львиная часть посетителей сидит за решеткой, а остальные прячутся по темным углам, боясь высунуть нос наружу. Чистое разоренье...

Но в этот вечер в таверне не повернуться. За каждым столом по десятку человек, а взопревшие кухонные девки сбились с ног, стараясь успеть ко всем

сразу, да еще и не опрокинуть тяжелые подносы с мисками супа из потрохов и кружками с пивом и дешевым вином. Припозднившиеся на праздник жизни посетители вынуждены были стоять на ногах или искать свободный краешек лавки. Некоторые смельчаки решительно опускались на грязную солому, устилающую пол, и, подобрав под себя ноги, чтобы никто по ним не прошелся тяжелыми сапогами, умащивали тарелку с похлебкой прямо на колени.

Изредка изрядно охмелевшие и, следственно, осмелевшие мужчины бросали неприязненные взгляды в дальний угол трактира на уставленный тарелками и бутылками стол, за которым вольготно расположилось всего три человека, неспешно отхлебывающих вино из начищенных медных кубков и отрезающих куски от запеченного целиком молочного поросенка. Если остальным приходилось тесниться по пять человек на одной лавке и долго дожидаться заказа, то чужаки расположились с полным удобством, и им достаточно было небрежно щелкнуть пальцами, чтобы хозяин таверны Толстый Пит бросал все дела и галопом самолично мчался узнать пожелания необычных гостей. Самолично! Такого внимания от Толстого Пита не достаивался и начальник стражи, порой заглядывающий на огонек!

Но даже самые отчаянные из собравшегося здесь сброда не отваживались выразить свое недовольство вслух. Уж очень странным был произошедший вчера случай с Морти Каторжником. Станным, и страшным.

Изрядно принявший на грудь вина Морти воспылал праведным гневом к такой вопиющей несправедливости и с почти нечленораздельным воплем: «Да я скорее себе глаза выколю и язык отсеку, чем буду смотреть на этих вонючих дрефов и молчать! Мы здесь хозяева, нам и сидеть на лучшем месте у очага! Нам и пиво лакать из медных кубков!» выхватил солидных размеров нож и нетвердым шагом направился по направлению к чужакам. Это как раз-таки было в обыкновении вещей и никого не удивило. Пьяная драка и поножовщина... подумаешь! В таверне у Пита такое каждый день случается, и все остальные посетители затаили дыхание, готовясь насладиться предстоящим зрелищем.

Шатающийся Морти беспрепятственно дошел до стола чужаков, оперся кулаком о столешницу и с угрожающей гримасой наклонился над сидящим по центру стариком. При этом сидящие по обе стороны от него здоровенные бугаи не выказали никакого беспокойства таким бесцеремонным обращением со своим спутником и продолжили со скукой ковыряться в тарелках.

Вот здесь-то и начались столь поразившие местных обывателей события. Невзрачный старик неспешно положил ладонь на плечо Морти и, заглянув тому в глаза, произнес несколько коротких слов. Кривой Морти внимательно выслушал, выпрямился, чеканя каждый шаг, промаршировал до двери и вышел во двор, не забыв аккуратно прикрыть за собой дверь. Старик же щелкнул пальцами и заказал у проворно подбежавшего хозяина еще кувшин вина, словно забыв о произошедшем, как забываешь о досадной мелочи.

Пока посетители удивленно обсуждали случившееся – вернее, не случившееся – со двора донеслись крики, а следом в заведение ворвался отлучившийся по нужде мужичонка и поведал просто немислимое. Вышедший за дверь Морти ушел не дальше крыльца, где и принялся за работу, на глазах опешившего мужика, справляющего нужду с нижней ступени. По его словам, Морти с идиотской улыбкой на лице, непрерывно хихикая, воткнул нож себе в глаз и, хорошенько провернув его там, повторил действие со второй глазницей. После чего высунул язык и, ухватив его пальцами, вытащил как можно дальше... и отрезал под самый корень, при этом едва ли не хрюкая от удовольствия!

В правоте трясущегося от ужаса забулдыги удалось убедиться сразу – всего-то надо было выйти во двор, где разом ослепший и онемевший Морти пускал кровавые слюни и пританцовывал, странно кружась по освещенному яркой луной двору...

Именно по этой причине чужаков больше не трогали. Пусть себе сидят, а мы и потесниться можем, ежели что...

Когда дверь таверны распахнулась в очередной раз, вместе с клубами морозного воздуха внутрь ввалился широкоплечий мужчина в плаще поверх доспехов и торопливо зашагал к дальнему углу. Опустился рядом с седым стариком и, наклонившись поближе к его лицу, приглушенным голосом произнес:

– Все верно, господин. Лорд Ван Ферсис попал в руки церковников. Говорят, пока белоплащники пытались его взять живьем, он успел устроить настоящую бойню. Там деревушка небольшая неподалеку была – так она целиком вымерла. Из всей деревни один мальчонка и уцелел – его по каким-то делам в форт отправляли, там и заночевал. А поутру уже и возвращаться некуда было, враз круглым сиротой оказался. Теперь то место – где бой был – кирасиры и священники окружили, никого не впускают и не выпускают без досмотра. Повсюду конные патрули вояк и обязательно со священниками. Без разбора останавливают и

обыскивают каждого встречного. Сумки перетряхивают, одежду осматривают. Штаны и те спускать приказывают. Дымом из жаровни окуривают, а кирасиры рук с оружия не убирают. Вопросы странные задают – не находил ли кто кинжал приметный, из кости выточенный, с камнем в рукояти. Аль еще чего похожего. Не пропал ли кто из близких, не видели ли чего непонятного.

Внимательно выслушав, старик растянул тонкие губы в хищной усмешке:

– Узнаю лорда, узнаю родимого.

– А что за кинжал такой, господин? – не удержавшись, спросил один из сидящих за столом.

– Кинжал? – задумчиво переспросил старик, сузив глаза. – Правда, хочешь знать? А?

– Н-нет, господин, не хочу! Простите скудоумного, с языка слетело.

– То-то! Собирай людей. Засиделись мы тут. Поутру выступаем.

– И еще, господин! Вы велели сообщать обо всех, кто пересекает Пограничную стену и отправляется в Дикие Земли.

– И? Были такие?

– Да, господин. Только наоборот. Те, о ком сообщили наши люди вышли из Диких Земель напрямик к поселению Стальной Кулак – это там, где коротышки строили еще одну крепость для Мезерана, да так и не достроили...

– Я знаю, где это! – раздраженно буркнул старик. – Что с теми людьми? Куда они отправились дальше?

– Вы не поверите! Задержались в поселении на несколько дней, а затем убралась обратно за Стену. Вроде как перед отъездом закупали все подряд. Оружие, продовольствие, сани, скот и птицу. На расспросы отвечали крайне неохотно, судя по всему – бывшие вояки. И еще – с ними гномы были.

- Плевать, кто там был! Пусть хоть сам Создатель в хвосте отряда плелся! Откуда они? Из какого поселения? Узнали?

- Нет, господин. – собеседник опустил глаза к столу. – Говорю же – вояки это бывшие. Выправка, поведение – словно волки лютые! За главного бородатый верзила с топором приметным – гномьей работы – так мой человек попытался было надавить на него, припугнуть малость, чтобы поразговорчивее сделать...

- Припугнул?

- Куда там! На следующий день и похоронили его: бугай топором разок махнул, и все! Головы как не бывало!

- А стража?! Стража куда глядела? Почему не повязала убийцу, да в тюрьму не отволокла?

- Да пришли стражники! Как не прийти? Да толку-то? Стражник рта раскрыть не успел, ему навстречу священник вышел, красной лентой перед носом служивого махнул, пару слов сказал, так те восвояси и убрались! Да так торопились, что едва алебарды из рук не роняли!

- Понятно... – протянул старик и поднялся на ноги. – Ладно, сейчас это неважно. Собирайте людей. Пора нам выйти из тени.

- Слушаюсь, господин Ситас! Позвольте узнать – куда направимся?

- К месту, где лорд Ван Ферсис задал святошам жару. Это далеко отсюда?

- Нет, господин! Самое большее – неделя пути!

- Вот и хорошо. – удовлетворенно кивнул Ситас Ван Мерти. – Вот и хорошо.

* * *

Ярко освещенный многочисленными факелами проход оканчивался у широкого проема в стене. Внутри царил почти полная темнота. Лишь по углам

вырубленного в каменной толще помещения горело несколько жировых светильников, чей тусклый свет позволял различить расположенный у тыльной стены квадратный бассейн, до краев наполненный исходящей паром жидкостью. В спертom воздухе отчетливо чувствовался сильный запах тухлых яиц и что-то еще, не менее противное обонянию, но уже неопределимое.

Дряхлый трясущийся шурд остановился на пороге, упал на колени, прислонился лбом к горячему полу и неподвижно замер в этой позе, стараясь делать как можно более мелкие вдохи и чувствуя, как в висках заколотились молоточки, предвещающие приход сильной головной боли. Так было всегда, как он спускался сюда, в обиталище великого Нерожденного.

– Встань, Гукху, и подойди ближе. – тихий шелестящий голос донесся со стороны бассейна и заставил старого шурда содрогнуться – вот уже двадцать лет, как он удостоен чести служить великому шаману и повелителю, но еще не привык к этому, казалось бы, бестелесному голосу...

Гукху выполнил приказ лишь частично – он не встал с колен, но быстро перебирая согнутыми конечностями, подполз ближе к парящему бассейну.

– О Великий... вернулся отряд и принес вести... горестные вести, от которых сердце старого Гукху содрогнулось и едва не остановилось...

– Подожди. Моя мать проголодалась, Гукху, покорми ее. – велел все еще невидимый взору прислужника Нерожденный, по колышущейся воде прошла отчетливая рябь. – Ты знаешь, насколько сильно я люблю свою мать...

– Повинуюсь, о Великий. – отозвался старый шурд и, с кряхтением разогнув искривленную спину, шагнул к стоящей у края бассейна невысокой и узкой каменной скамье.

Перебивая вонь серных испарений, в ноздри Гукху ударил кислый запах застарелых нечистот, исходящий от истощенной и искореженной врожденными болезнями гоблинши, что безвольно вытянулась на лавке, запрокинув лицо к низкому потолку, откуда срывались капли влаги и обильно орошали ее обнаженную кожу. Изредка по ее телу проходила длинная судорога, сопровождающаяся чмоканием нервно смыкающихся беззубых десен и скрежетом полосующих камень неимоверно отросших и изогнувшихся когтей.

– Сперва причеши ее. – прошелестел Нерожденный. – Сегодня она хочет быть красивой.

Кивнув, Гукху шагнул к изголовью лавки и осторожно пригладил жидкие седые пряди, беспорядочно топорщащиеся на почти полностью плешивой голове. Губы дряхлой гоблинши изогнулись в жутком подобии довольной улыбки, но глаза остались закрытыми. Сняв крышку с неглубокой глиняной миски, прислужник зачерпнул горсть жидкой каши с редкими волокнами мяса и, приоткрыв рот древней старухи, занялся ее кормлением.

Мать Нерожденного ела неохотно, и пищу приходилось проталкивать почти насильно с одновременным массированием горла, чтобы каша прошла дальше. Гукху хорошо знал, почему она не желала принимать пищу – старая гоблинша давно хотела умереть. С того мига, как произвела на свет единственного сына, так никогда и не покинувшего ее утробу полностью. С того дня, когда магия сына взяла контроль над ее телом и заставила возлечь на жесткую каменную лавку у подземного источника с желтоватой горячей водой, откуда она больше так и не поднялась.

Не прерывая кормления, Гукху покосился на длинный змеевидный отросток, выходящий из чресл старой гоблинши и исчезающий в горячей воде бассейна. Полупрозрачный, он мерно пульсировал, прогоняя по себе животворные соки, питающие Нерожденного. Мать и сын – они все еще связаны... Неразрывно связаны до самой смерти. Соединяющая их пуповина так и не была никогда разорвана.

– Довольно... она сыта.

– Да, Великий. – согнулся в поклоне прислужник. – Я принес важную весть, повелитель.

– Я слушаю, Гукху-прислужник.

– Ушедший к озеру Отца отряд выяснил, что случилось с отправленными на беседу с НИМ старейшинами. Они все мертвы и лежат в снегу на берегу, в ста шагах от усыпальницы Отца. Убиты все до единого. Но не это самое страшное известие, о Великий... есть куда более горькая весть...

– Говори.

– Наш Творец, великий Отец... багровый саркофаг с его телом бесследно исчез... усыпальница пуста, повелитель.

– Исchez? Саркофаг Отца пропал из Пирамиды Над Темной Водой? Да?! Ну же! Отвечай!

– Да, повелитель, п-пропал бесследно. – запнулся съежившийся Гукху, с недоумением прислушивающийся к звенящей в голосе Нерожденного... радости...

По горячей воде прошла сильная рябь, раздался громкий плеск, и старый прислужник вздрогнул – на его руке сомкнулись склизкие черные пальцы, с каждым мигмом сжимающиеся все сильнее, в темноте ярко зажглись два желтых фосфоресцирующих глаза. Лежащая на лавке старуха открыла беззубый рот и, содрогаясь в корчах, издала продолжительное шипение, по влажному камню скамьи едва слышно зажурчала струйка вонючей мочи.

– «Ключ» нашелся! – почти беззвучно прошептал Нерожденный, пуская пузыри. – «Ключ» нашелся и сумел преодолеть защитную магию... все так, как и предсказывал Отец... скоро грядет его освобождение, и тогда наступит наше время... время, когда Отец возглавит нас... – неожиданно возбужденный шепот перешел в пронзительный визг: – Но нет! Нет! Что-то не так!

Морщась от боли в руке, но, не решаясь пошевелинуться, прислужник промолчал.

– «Ключ» должен был открыть саркофаг, отпереть проклятую Ильсеру и освободить Отца Тариса... но этого не случилось! Гукху!

– Да, о Великий. – проскулил старый шурд.

– Позвать ко мне старейшину Гихарра!

– Старейшину Гихарра, повелитель? Но о нем нет известий с тех пор, как он возглавил войско и ушел на штурм человеческого поселения, что защищено

высокой каменной стеной... он еще не вернулся... но, несомненно, вскоре он падет пред вами ниц и объявит о еще одной сокрушительной победе, состоявшейся только по вашей воле...

– Замокни! Тогда зови старейшину Туффисса! Сейчас! И того, кто возглавлял отряд разведчиков, обнаруживших пропажу саркофага.

– Слушаюсь, Великий. Позвать старейшину Туффисса. – пробормотал Гукху, с облегчением чувствуя, как сжавшиеся на его руке мокрые пальцы ослабляют хватку. – Отряд разведчиков возглавлял младший военный вождь Дисса Беспалый. Он еще не вернулся. Вести доставили пять воинов, что он отослал сюда. А сам Дисса...

– Что? Где он? – прошипел Нерожденный, и на этот раз в его голосе слышалась нетерпеливая ярость.

Содрогнувшись тщедушным телом, старый Гукху едва слышно прошептал:

– Дисса отправился по следу святотатцев, дабы жестоко покарать их и вернуть саркофаг Отца. Он поклялся, что ни один из осмелившихся нарушить священный покой Тариса Великого не останется в живых... Под его рукой шурды и несколько пауков, повелитель.

Нерожденный издал протяжный хрип, связанная с ним старая гоблинша задергалась всем костлявым телом, и Гукху едва успел удержать ее от падения с узкой лавки.

– Старейшину Туффисса сюда! – проревел Нерожденный, и прислужник увидел, как над парящей водой поднимается что-то темное и бесформенное с ярко пылающими глазами. – Немедленно! Беги, Гукху, беги жалкий старик! Беги, пока я не освежевал тебя живьем и не сожрал твою душу! Беги!

И Гукху побежал – дряхлый шурд сломя голову неся по узкому подземному коридору, падая через каждые пять шагов, но вновь и вновь поднимаясь на дрожащие старческие ноги, а за его спиной гремел голос великого шамана:

– Беги Гукху, беги старик! Бе-ги-и!

Глава вторая

Путешествие продолжается

Еще одной радостной новостью оказалось то, что я испытываю чувство голода. И это еще больше уверило меня, что в моем замороженном стужей теле теплится настоящая жизнь, а не одна лишь ее видимость.

За незаметно пролетевшие в пути восемь дней я принял пищу два раза. С хрустом разжеванный кусок вяленого мяса и пара пригоршней снега – ровно такое количество еды я съедал за один раз. После чего чувство голода затихало и медленно просыпалось только дня через три. Судя по ощущениям, находишься я в покое, то испытал бы нужду в пище только дней через десять, если не позже.

Ниргалам пища требовалась гораздо чаще – как минимум два раза в день. Усугубляло проблему то, что они могут есть лишь жидкую пищу, свободно проходящую через трубку. В условиях похода нормальной еды не было, но немые воины оказались весьма неприхотливы и с удовольствием поглощали еще горячую кровь. Олени, волки, зайцы – им годилось все. Но я очень сомневался, что столь однообразная диета может обеспечить им все потребности тел, вынужденных таскать тяжеленые доспехи и выдерживать заданный мною темп передвижения – останавливались мы с наступлением ночной темноты и вновь продолжали путь, как только начинал брезжить тусклый зимний рассвет. Усталости и потребности во сне я почти не чувствовал. Окажись я один, мог бы шагать дни напролет. И надо сказать, меня это несколько пугало.

Охотились ниргалы на ходу – если надругательство над настоящим искусством выслеживания добычи можно назвать охотой. Стоило в поле зрения появиться неосторожному зверю, как туда тут же летел пущенный метким стрелком арбалетный болт. Если попадался олень, то мы ненадолго задерживались, пока ниргалы поочередно припадали к воткнутой в шею благородного зверя трубке и высасывали кровь из еще живого животного. Если на выстрел напарывался тощий волк, то не требовалось сбавлять шага – легко подняв зверя на руки, один из ниргалов насыщался на ходу. Когда последняя капля крови покидала тело волка, мертвую тушу просто отбрасывали в сторону на поживу воронью.

Уверен, со стороны подобная картина была более чем омерзительной, но я уже свыкся. Все же источником пищи служили обычные животные, а не разумные существа. Единственное, о чем я сожалел – у нас не было злаков и прочей растительной пищи, чтобы ниргалы могли приготовить обычную кашу. Не было даже котелка, чтобы сварить бульон – он остался в седельных сумках рыжего Лени. Чем дольше ниргалы питались только кровью, тем больше я боялся, что у них будет заворот кишок или еще какая гадость приключится. Но пока иного выбора не было, и мы молча шли вперед, шаг за шагом преодолевая заснеженные просторы Диких Земель.

Единственная имеющаяся у нас лошадь шла в поводу за замыкающим отряд ниргалом и, кажется, была более чем счастлива таким положением вещей. Еще бы. На ее многострадальной спине больше никто не сидел, шла она уже в утопанной ниргалами и мною снежной колее, относительно легко переставляя копыта. Овес в сумках практически закончился. Каждый вечер я выбирал для ночлега ровные пологие места и заставлял ниргалов расчищать снег до тех пор, пока не показывались бурые стебли пожухлой травы. К такому подножному корму лошадь относилась с явным неодобрением, но все же понемногу щипала самые аппетитно выглядящие стебли. Оно и понятно – голод не тетка.

Длинные переходы и вынужденное молчание ввиду отсутствия собеседников предоставили мне прорву времени, чтобы погрузиться в мысли, неспешно обдумать события прошлого и постараться отвлечься от тяжелых дум о поселении. Несмотря на грустный факт, что я практически перестал быть человеком из крови и плоти, я все еще считал себя ответственным за судьбу моих людей и поселения.

Как они там?

Живы ли еще?

Добрался ли Рикар с отрядом до Пограничной Стены и смог ли вернуться обратно со столь необходимыми для нашего выживания припасами?

Удался ли мой план с распространением слухов о лорде Ван Ферсис, отреагировала ли на них церковь и власти? Или все пошло прахом, и Повелитель уже в Диких Землях на подступах к моему поселению?

Только вопросы и никаких ответов. Я мог лишь строить догадки и всей своей промерзшей душой надеяться на лучшее.

Из разряда приятных сюрпризов оказался и тот факт, что я был столь же спокоен, как и мои спутники ниргалы. Злость, ярость и горькие стенания ушли в прошлое. Я вновь ощущал себя как единое целое, не боялся завтрашнего дня и не посматривал ежеминутно на бедро, где некогда сидела медленно угасающая магическая сфера. Жить сразу стало проще. Особенно радовало, что даже если мое «я» умрет или покинет эту оболочку, то умрет и тело, а не перейдет под контроль другой души. Сожаления к ушедшим в никуда Защитнику и настоящему барону Ван Исер я не испытывал. Листер Защитник прожил доблестную жизнь и умер больше двух столетий назад, а к барону Ван Исер... к истинному барону у меня не было ни малейших симпатий. Наворотил столько дел, а расхлебывать приходится ни в чем не повинным людям и мне. Сколько славных воинов погибло в бессмысленных схватках с шурдами и нежитью? Сколько еще погибнет?

Нет, жалеть безвременно почившего Кориса Ван Исер я не собирался. Но и не возлагал вину за случившееся только на него. В Дикие Земли мы попали благодаря «помощи» лорда Ван Ферсис, сумевшего изменить приговор с казни на изгнание. И руководствовался он при этом далеко не милосердием и человеколюбием. Попади я из тюрьмы напрямиком на эшафот – моим людям не пришлось бы никуда отправляться.

А если говорить прямо – непутевому дуэлянту и распутнику барону по-быстрому оттяпали бы неразумную голову к чертям, и связанные с ним нерушимой Клятвой Крови люди не испытали бы всех «прелестей» Диких Земель, ну а я бы и вовсе здесь не появился!

Хотя нет... тут я ошибаюсь – проклятый Повелитель все одно выдернул бы мою душу неизвестно откуда, но вселил бы ее в тело Квинтеса Ван Лорка. Ведь это ему была предназначена роль Ильсертариота, «живого ключа» к древней гробнице Тариса Некроманта. Но такой исход все лучше, чем оказаться в качестве ответственного за жизни стольких людей и при этом толком не понимать, что делать и как жить дальше.

Я словно капитан стремительно тонущего судна, что судорожно вцепился в почти неподдающийся усилиям штурвал и пытается спасти себя и команду от неминуемой гибели. Но капитан видит лишь водную гладь, однако не замечает

острых рифов прямо по курсу... да и не знает, в какой стороне находится спасительный берег. Правит наугад и, возможно, идет все по сужающемуся кругу.

Изредка я выпадал из тяжелых мыслей и оглядывал округу, дабы убедиться, что мы не сбились с пути. Удостоверившись, что двигаемся в правильном направлении, я вновь погружался в раздумья, то и дело сетуя на отсутствие книги с заметками. Дернул же меня Темный отдать книгу Рыжему Лени! Но кто ж знал? Я был полностью уверен, что иду на смерть и возвращаться не придется...

Помимо мыслей, связанных с поселением, я все чаще обращал внимание на свое тело. Возможно, меня обманывают изменившиеся глаза, но с каждым прошедшим днем я становился прозрачней – в буквальном смысле. Как в самом начале болезни – еще до того, как я поднялся к вершине зиккурата – все начиналось с конечностей и медленно распространялось по всему телу. На второй день пути сквозь кожу пальцев больше не проглядывали кости и жилы – только однородная мутная масса льда, светлеющая с каждым часом, пока не стала прозрачной почти полностью. Теперь я мог разглядывать окружающий пейзаж прямо сквозь ладонь, правда, все было несколько искривленно и размыто, словно смотрю через линзу неправильной формы или сосульку. Не остановившись на достигнутом, прозрачность поползла дальше, к запястьям и выше. Слава Создателю, пальцы продолжали меня слушаться, поэтому я смотрел на распространение болезни без особой опаски и со смирением аскета. Все одно помешать я никак не мог. Пришлось удовольствоваться ролью заинтересованного наблюдателя и молиться, чтобы не произошло ничего непоправимого.

Особенно с мозгами и глазами.

Сам не знаю почему, но за глаза я переживал особенно сильно. Мне отчего-то казалось, что если они станут полностью прозрачными, то я ослепну. Ну и насчет мозгов были определенные сомнения – как-то сомнительно, чтобы прозрачный кусок льда мог сравниться в сообразительности с обычными человеческими мозгами. И буду тогда слоняться по Диким Землям в виде слепого, тупого и прозрачного зомби... примерно до наступления весны, когда жаркие лучи весеннего солнца превратят меня в лужицу талой воды и тем самым раз и навсегда оборвут мои страдания.

Не знаю, чтобы я еще себе напредставлял, но спустя еще день пути мы наконец добрались до столь памятной мне лощины. До места, где я перестал быть человеком. До места, изменившего мою жизнь.

Остановившись на гребне склона, я опустил на колени, ухватил солидную пригоршню снега и начал задумчиво его сминать, не отрывая внимательного взгляда от дна лощины. Все как и тогда – неглубокий овраг с пологими заснеженными склонами, тихое и спокойное местечко, словно специально предусмотренное для привала усталых путников, стремящихся укрыться от пронзительных порывов зимнего ветра и не выдавать свое присутствие светом костра. Да... именно этими соображениями я и руководствовался в прошлый раз, когда направил отряд аккурат в ловушку. Наивный глупец...

Вот только сейчас уже не было деревьев с их ледяными ветвями, больше похожими на щупальца неведомого чудовища. Ниргалы хорошо поработали мечами, срубив стволы под корень и порубив их на мелкие части. Тогда я радовался такому исходу, но сейчас это оказалось слишком поспешным решением.

Хотя...

С верхнего края склона я легко заметил на дне лощины снежный холмик, расположенный аккурат на том месте, где раньше поднималось похожее на плакучую иву дерево. Проваливаясь по колени в снежный наст, я начал спускаться, не сводя глаз с подозрительного сугроба, который, несомненно, скрывал собой что-то интересное. Двойка ниргалов двинулась следом, продвигаясь по уже проложенной мною глубокой борозде. Один воин остался наверху, удерживая в поводу лошадь и бдительно посматривая по сторонам.

У подножия склона снега оказалось по грудь, но меня это не смутило. С недавних пор я очень сильно полюбил снег и лед и сейчас получал несказанное удовольствие, окунаясь в пышное одеяло почти с головой, пробиваясь через податливую сыпучую массу и прислушиваясь к тонкому звону разламываемой ледяной корочки наста. Случись мне пробираться через столь толстый снежный покров раньше – до болезни – уже через десяток шагов я бы натужно сопел и жадно хватал ртом воздух, в тщетной попытке отдышаться. То ли дело сейчас – ровное, едва заметное дыхание, никакой усталости и неприятного ощущения холода.

– Если что – мечами махать не вздумайте, пока не прикажу! – не оборачиваясь, предупредил я дышащих мне в спину ниргалов.

Ответа не последовало, но я знал, что приказ был услышан.

Предупреждение оказалось излишним. Когда я осторожно разгреб ладонями верхушку снежного холма, ко мне вяло потянулся тонкий, почти прозрачный прутик – многократно уменьшенная копия смертельно опасного щупальца, с легкостью пробивающего кожаные доспехи и человеческую плоть. Дотянувшись до моей руки, ледяной побег обвился вокруг большого пальца и на этом остановился, не проявляя агрессии. Из снега показалось еще несколько тонких, но длинных щупалец, и, вытянувшись вверх, они едва заметно задрожали, не обращая на мое присутствие ни малейшего внимания.

– Интересно... – заинтриговано хмыкнул я, слегка повернул голову и велел одному из ниргалов: – Шаг вперед.

Охранник незамедлительно повиновался. Сделав широкий шаг, воин поравнялся со мной. Ситуация в корне изменилась. Только что мирно покачивающиеся ледяные побеги метнулись к нему и бессильно затрепетали в двух локтях от его заиндевшего шлема, не в силах дотянуться.

– Хорошо, отступи назад. – приказал я, смотря на обвившийся вокруг руки мутно-серый побег уже совсем другими глазами.

Щупальца хоть и не выросли до прежних размеров, но агрессивность сохранили в полной мере. Ко всем, кроме меня. Ко мне ледяные отростки проявили необычное равнодушие и даже дружелюбие.

Задумчиво взлохматив отчетливо зазвеневшую шевелюру, я сделал глубокий вздох и переключил восприятие на магический взор. И увидел, что по ухватившему мой палец ледяному побегу бегут ярко-синие искры энергии. Причем поток сверкающих искр направлен в мою сторону. Щупальце не вытягивало из меня силу, а наоборот – деловито закачивало ее в мое тело, словно стараясь закончить уже начатое, но не завершенное дело. Секунду поколебавшись, я осторожно вытащил палец из цепкой хватки, поднялся на ноги и отступил за пределы досягаемости полупрозрачных побегов-щупалец.

Несмотря на то, что ниргалы вырубали все деревья под корень, им удалось восстановиться. И, судя по скорости роста – если такое слово можно применить в этом случае – через недельку-другую здесь вновь появятся высокие и стройные деревца, поджидающие следующую жертву. И это хорошо. Просто великолепно. Ниргалам не удалось уничтожить ловушку окончательно. У меня появился шанс разобраться со своим крайне непростым недугом и, возможно, понять, что мне делать дальше.

И я знал, где следует искать часть головоломки.

– Ниргалы. Начинайте разгребать снег вокруг этих веток до самой земли. Побегам вреда не причинять, но и не подставляться под их удары. Повторяю – мечами не махать! Если случится что-то неладное – отступить без боя.

Убедившись, что мои приказы поняты, я развернулся и зашагал вверх по склону, направляясь к единственной нашей лошади, везущей на себе мои более чем скудные пожитки. Два меча – двуручный и обычный с лезвием в два локтя длиной, продырявленные как сито кожаные доспехи, пояс с пустой флягой и давно затупившийся нож. Нож-то мне и требовался – в качестве инструмента для копания. Поморщившись от исходящего от разгоряченной лошади тепла, я быстро сорвал притороченную к седлу сумку и поспешил отступить на пару шагов. Наспех подхватив с земли две пригоршни снега, я приложил его к лицу, унимая уколы боли.

План прост – если ледяная ловушка так спокойно перенесла атаку неуязвимых ниргалов, значит, основная ее часть находится под землей. Эта же догадка объясняет, как вообще ледяным деревьям удастся переносить жаркое лето. Если я прав, их стволы вырастают с приходом морозов и появлением обильного снега. Когда наступает теплая пора, заматеревшие за зиму ледяные щупальца исчезают, превращаясь в лужицы талой воды. А неизвестная мне основная часть ловушки, ее «сердце», скрывается в земле. И не погибает с наступлением жары, потому что находится достаточно глубоко, либо «сердце» сделано не изо льда, и тепло никак не может повредить ему.

Что бы там не скрывалось под слоем мерзлой почвы, это явно не обычные корни. В общем, я решил докопаться до истины. Если уж вновь выросшие ледяные побеги не проявляют по отношению ко мне агрессивности, то следует воспользоваться удобным случаем...

Промерзшая за зиму земля поддавалась плохо, но, когда я наконец пробил самый твердый слой, дело пошло веселей. Копал я в гордом одиночестве – стоило ниргалам подойти слишком близко, щупальца начинали беспорядочно стегать во все стороны. Хотя удары не могли причинить закованным в сталь воинам вреда, я отозвал их и принялся за дело сам. В отличие от воинов я был без брони, и мне вовсе не улыбалось потерять глаз от случайного удара. Да и не стоило рисковать – несмотря на прочную броню у ниргалов все же были уязвимые места.

Воины отнеслись к отставке от работы философски и занялись обустройством лагеря шагах в двадцати от меня. Еще один ниргал прихватил арбалет и отправился на охоту. А я упорно долбил закаменевшую землю острием ножа и выгребал мерзлые комья из постепенно углубляющейся ямы.

Успокоившиеся ледяные щупальца склонились вниз и словно заключили меня в объятия, опутавшись вокруг шеи, плеч и торса. Проникнуть под кожу они не пытались – просто прилипли к моему телу и застыли в неподвижности. Магическим взором я отчетливо видел, как по десятку щупалец пробегают искристые синие вспышки, выходящие из недр земли и бесследно исчезающие в моем теле. Неудобств от столь странного соседства я не ощущал и, перестав обращать на них внимание, продолжил раскопки. Благо после того, как углубился на локоть вглубь, земля стала гораздо мягче и податливее. Вскоре лезвие ножа наткнулось на скрытое землей препятствие и с отчетливым звоном отлетело в сторону, едва не перерубив несколько ледяных щупалец. Убрав нож, я сгреб оставшийся грунт в сторону и с недоумением уставился на открывшееся зрелище.

Меньше всего я ожидал наткнуться на подобное – из земли и непонятных обрывков, сильно напоминающих сгнившую кожу, частично выступал огромный – самое малое в два моих кулака – драгоценный камень. Или, скорее, абсолютно прозрачный и искусно ограненный кристалл горного хрусталя, в самой сердцевине коего мерно пульсировало ярко-синее слепящее пламя – видимое лишь в магическом зрении. Из остроконечной верхушки кристалла выходил толстый белесый отросток, разветвляющийся на более тонкие побеги, сильно похожие на промерзлые древесные корни – такие же узловатые, с бахромой из тонюсеньких и хрупких отростков.

Всего корней шесть и разбегались они в разные стороны – аккурат в те самые места, где когда-то росли безобидные на вид деревья. Привстав, я огляделся по

сторонам и окончательно убедился в своей правоте. По всему выходило, что кристалл и центральное ледяное дерево находились будто в центре паутины. Являлись сердцем ловушки. Об этом же свидетельствовало и тот факт, что из всех уничтоженных ниргалами деревьев лишь центральный ствол вновь начал расти, а остальные не подавали признаков жизни.

Подведя полупрозрачные ладони под бока кристалла, я осторожно обхватил его и потянул вверх, безжалостно обрывая уходящие в землю боковые отростки. Растущие из ограненной вершины щупальца никак не отреагировали на столь бесцеремонное обращение и продолжали ласково обвивать мои плечи и шею. А вот ниргалы явственно забеспокоились – особенно когда пара щупалец лениво обернулась вокруг моего горла – и шагнули вперед. Рыкнув на излишне ретивых охранников, я выпрямился и, приблизив сияющий камень к глазам, внимательно осмотрел в надежде наткнуться на разгадку или хотя бы на смутный намек на нее. Но, увы...

Все что удалось понять – кристалл прошел через руки, несомненно, искусного мастера, придавшего ему правильную форму и красивую огранку. И это мое единственное достижение. Я отчетливо видел клубящуюся в сердце кристалла магическую энергию, но и только. Понять ее сути я не мог.

Все мои вопросы остались без ответов.

Для чего именно предназначен огромный кристалл?

Уж явно не для банального умерщвления всех подряд.

Как он оказался здесь?

Что за странная ледяная болезнь приключилась со мной?

Более того – возникло больше вопросов. Например, почему энергия заключена в ограненном куске горного хрусталя, а не в обычной магической сфере, как с шипами, так и без оных? Щупальца продолжают проявлять агрессию по отношению к ниргалам, но полностью изменили свое отношение ко мне, и это снова вызывает еще больше вопросов. Признали за своего? С чего бы это хищнику проникаться дружбой к недоеденной добыче?

Вздыхнув, я осторожно опустил кристалл на холмик выкопанной земли и вновь полез в яму. Зачерпнул пару горстей непонятных обрывков и начал их внимательно разглядывать. Моя первоначальная догадка подтвердилась – это остатки некогда плотной и хорошо выделанной кожи, к настоящему моменту практически сгнившей. С досадой отбросив бесполезный хлам в сторону, я вновь погрузил пальцы в землю и зачерпнул следующую горсть. На этот раз повезло несколько больше – среди комьев земли и мелких камней, я обнаружил нечто сильно напоминающее разрозненные кусочки пергамента, на некоторых из них виднелись едва различимые слова.

Воспрянув духом, я не без труда скинул куртку – обвивающие меня щупальца не слишком охотно сдвигались в сторону – расстелил ее прямо на снегу, разложил на ней выбранные из грязи кусочки пергамента и продолжил раскопки. И вот ведь что странно – бережно взрыхляя землю и кончиками пальцев выбирая из нее кажущиеся мне важными предметы, я чувствовал себя так, словно занимался давно известным мне делом. Знал, как подкопать землю вокруг истончившегося обрывка пергамента и как извлечь его неповрежденным, знал, как отличить кусок кожи от гнилого древесного листа... И опять же я не имел ни малейшего понятия, откуда у меня такие навыки. Сомневаюсь, что старший барон Ван Исер заставлял сына ковыряться в древних руинах и могильных склепах, а значит, умения принадлежат неизвестно кому, но уж точно не Корису Ван Исер...

Стоп! А с чего я решил, что именно в руинах и склепах? Почему не в обычном огороде, а в старых развалинах и кладбищах? Почему именно там?

Ответа я не получил. В голове звенела пустота, но, несмотря на этот печальный факт, я воспрял духом – головной боли не было и в помине! Ни единого болезненного намека на ее подступающие чудовищной волны, что незамедлительно накатывали, стоило мне попытаться вспомнить хоть что-либо из своего прошлого. Но это было ДО того, как наложенная на меня печать Арзалиса распалась. До того, как я утонул...

Хотя тонул ли я?

Слышал ли я тот странный безразличный голос и не менее странную фразу: «Его нет в списках»?

Быть может, я просто потерял на время сознание от недостатка воздуха (ну да, на целых четыре дня!) и все это мне привиделось – светящийся туман, рыцарь в иссеченных доспехах, смущенно улыбающийся двойник... не знаю... Но суть та же – надежно ограждающая меня от воспоминаний головная боль бесследно исчезла!

Пока размышлял, руки продолжали делать свое дело. Вскоре на расстеленной куртке оказалась любопытная коллекция разномастных предметов – это помимо уже виденных мною клочков пергамента и кожи. В первую очередь в глаза бросалась горсть монет – преобладали серебряные и медные, но среди них проглядывали и солидные золотые кругляши, потемневшие от времени. Парочку таких я старательно оттер от покрывающей их грязи и узрел отчеканенное изображение некой особы мужского пола, вокруг которой по краю змеилась поясняющая надпись: «Великий Император Мезеран Ван Санти». Хмыкнув, я небрежно бросил монеты обратно на ткань и с усердием принялся ворошить остальные находки. Небольшой нож с проржавевшим лезвием, слегка погнутый серебряный кубок для вина, горстка синих стеклянных шариков со сквозными дырками – бывшие четки или ожерелье, белоснежное перышко магического стило, золотой диск с искусной гравировкой и надписью на непонятном мне языке. Про остатки пергамента и бумаги не стоило и упоминать – их было не счесть. Судя по всему, некогда это были книги или личные записи. Или и то и другое.

Да уж... чего-чего, но вот такого клада я никак не ожидал. Мысленно прикинув общее количество найденных вещей, я пришел к простому выводу – некогда все предметы лежали в немаленькой кожаной сумке, давненько сгнившей от долгого нахождения в сырой земле. Эти распадающиеся в руках кожаные обрывки – все что осталось от сумки. Большая часть лежащих в ней вещей тоже не выдержала испытания временем и сгнила до основания.

«И что же получается? – задал я вопрос и сам же на него ответил: – Одно из двух. Либо сумку закопали, чтобы когда-нибудь за ней вернуться, но что-то не срослось. Либо... либо это личные вещи погибшего человека и, следовательно...».

– ... и, следовательно, сумку положили в могилу вместе с телом владельца. – уже вслух закончил я, переводя взгляд на вырытую мною яму. – А что... вполне может быть. Ежели хоронили в спешке, то и могила могла быть неглубокой...

* * *

Уронив грязные ладони на колени, я сидел на краю изрядно увеличившейся ямы и задумчиво созерцал ее содержимое.

Лежавший навзничь скелет определенно принадлежал мужчине – если судить по размерам, кои были не просто большими, а невероятно огромными для человека. А это был человек – тщательно очищенный мною от комьев грязи череп, несомненно, был человеческим. Хорошо сохранившиеся зубы без малейших признаков клыков, форма глазниц, особенности нижней челюсти – все говорило об этом. Человек исполинских размеров, приблизительно головы на две выше, чем здоровяк Рикар. Руки аккуратно скрещены на груди, словно мертвецу стало зябко, и он обхватил себя за плечи. Положение головы, вытянутые ноги, ровно уложенное тело – все говорило о том, что незнакомца похоронили. Пусть в совсем неглубокой могиле, но все же похоронили. Если предположить, что погребение исполина делали в спешке, то все становится на свои места – не было времени провести положенный обряд сожжения, не было времени копать по-настоящему глубокую могилу. Возможно, неизвестные могильщики собирались вернуться сюда позже и закончить похоронный обряд, но что-то не срослось, и друзья погибшего так здесь больше и не появились.

Почему я решил, что исполин погиб и был погребен друзьями?

Если начать со смерти, то об этом наглядно свидетельствовала дыра в правом виске – совсем рядом с глазницей. Судя по узкой форме отверстия, исполина убило что-то небольшое, но с крайне пробивной силой – например, болт с бронебойным наконечником, выпущенный из мощного арбалета. Или что-то другое – тут трудно угадать, в горячке боя случается всякое. Но исход столь страшного ранения может быть лишь одним. С такой дырой в голове не живут. Гарантированная смерть. Если только рядом окажется опытный и сильный Исцеляющий, да и то не факт, ведь за костью черепа скрывается не обычная плоть, а вместилище разума, и даже крохотное ранение приводит к ужасающим последствиям.

О том, что в качестве могильщиков выступали друзья или близкие, лучше всяких слов говорило золото. И не только монеты из сгнившего кошелька – хотя и там немаленькая сумма – грудь и шея скелета практически скрыты под хаотичным переплетением золотых и серебряных вещиц. Самое малое пятнадцать, а то и больше золотых цепочек обвивали шею мертвеца и бесформенной массой

спадали на грудь. На каждой висели непонятные украшения или, скорее, амулеты – выточенные из камня фигурки животных, золотой кругляш, изображающий солнце с множеством лучей, заключенные в серебряную оправу изумруды и алмазы, остатки сгнивших кожаных мешочков, из которых сыпалась какая-то труха, огромный изогнутый клык, принадлежащий неизвестному мне зверю. Более чем странная коллекция.

Пока я занимался черным делом грабителя могил, солнце успело опуститься до самой кромки заснеженных древесных крон, одинокий луч пробился через ветви и на несколько мгновений ярко осветил разворошенную могилу. В его свете я успел заметить тонкую серебряную ниточку, тянущуюся от шеи ко рту черепа и скрывающуюся внутри.

Заинтересовавшись, я осторожно присел над телом. Стараясь не сдвигать останки, двумя пальцами оттянул нижнюю челюсть, открывая мертвецу рот. Цепочка. Еще одна серебряная цепочка, только почему-то оказавшаяся во рту. Подцепив кончиком пальца, я потянул ее на себя. Что-то тихо звякнуло об оскаленные зубы, и на свет появился еще один причудливый подвес. Разочарованно хмыкнув, я подхватил его на ладонь и поднес к глазам.

Да, амулет. Причем весьма искусной работы – серебряный цветок с листьями, покрытыми мельчайшими изумрудами, тонким изящным стеблем и с широко раскрытыми ярко-синими лепестками... и я такой цветок уже где-то видел. Причем в живом виде. И даже знаю название – благодаря отцу Флатису и его юному помощнику Стефию, которые охапками собирали такие цветы по округе, сушили, толкли в ступках и потом сжигали в специальных жаровнях, окуривая все подряд резким пахучим дымком...

И это растение называется... точно! Цветок Раймены! Святой символ Церкви Создателя!

Легкий шорох отвлек меня от разглядывания амулета. Бросив взгляд вниз, я как раз успел увидеть, как костяная длань скелета смыкается на моей щиколотке, а в глазницах черепа загораются тусклые багровые огоньки. Испугаться я не успел.

Используя мою ногу как опору, скелет начал подниматься под звенящий звук многочисленных амулетов и раскрывать рот в злобном оскале, на дальше этого

дело не пошло. Сразу несколько ледяных щупалец метнулось вперед и с силой впились в горящие глазницы черепа. По щупальцам пробежало несколько ярких искр, раздался тихий, практически беззвучный хрустальный перезвон, и костяные пальцы безвольно разжались, освобождая мою ногу. Скелет вновь опустился в могилу, где лежал сотни лет. Еще до того, как он вытянулся на мерзлой земле, грозный свет в его глазницах погас, а череп начал покрываться белоснежным пухом инея. Все заняло не больше трех секунд. Миг – и я вновь свободен. Быстрая работа. Настолько быстрая, что находящиеся неподалеку ниргалы ничего не заметили – скелет не поднимался над краем могилы, а я не успел поднять шум. Ледяные щупальца лениво выползли из пустого черепа, так же неспешно обвили мою шею и спину, где и застыли в неподвижности.

– Э-э... – выдавил я что-то нечленораздельное, бросая поочередно взгляд на опутавшие меня ледяные отростки, на огранный кусок горного хрусталя, на спокойные фигуры ниргалов и на недвижимо лежащий под ногами скелет.

Что-то неправильное, то, чего раньше не было, привлекло мое внимание, и я вновь сфокусировал взгляд на кристалле. В самой сердцевине камня бушевало магическое пламя, но к ярко-синему сиянию примешались темно-багровые завихрения – такого же цвета как угасшее мерцание в глазницах исполинского скелета. Кружась подобно дыму, багровые струйки постепенно теряли насыщенность и медленно растворялись в общей синеве. Через пару мгновений в кристалле запульсировало чистое синее пламя без посторонних примесей.

Выжидая, я не отрывал взгляда от кристалла, но ничего нового не произошло. Обвивающие меня щупальца едва шевелились, изредка по ним пробегала очередная искра и с легким покалыванием растворялась в моей коже.

– Понял. – кивнул я. – Ну-ну... охраннички бледные... вот только с чего бы это вы так рьяно бросились меня защищать?

Почесав в затылке – с неудовольствием заметив, что отныне излюбленный жест сопровождается отчетливым звоном ледяных волос – я сокрушенно вздохнул, заглянул в черные провалы глазниц и несколько виновато произнес:

– Ты уж извини, брат, что потревожил твой покой. А что поделать? Сам видишь, какие дела творятся рядом с твоей могилкой.

Как и следовало ожидать, скелет не ответил. Ничуть не смутившись, я продолжил:

– Одного не пойму. Чего ты восстал-то? Кто тебя поднял? Неужто правду бают, что ежели покой мертвых потревожить, то они восстанут, чтобы покарать осмелившихся... Да нет! Чушь какая! – не выдержав, я рассмеялся. – Да-а-а, Корис, совсем дела плохи – с костями да камнями разговаривать начал...

Отсмеявшись, я поднялся на ноги и повернул голову к ниргалам:

– Готовьте сушняк для погребального костра! Только подальше, подальше отсюда – вон у того края ложбины.

Два воина развернулись, с треском проломили кустарник и скрылись среди деревьев. Вскоре оттуда послышался влажный хруст отсыревшего за зиму дерева.

Удовлетворенно кивнув, я вновь вернулся к изучению могилы, не обращая внимания на продырявленный череп. А вот ухватившая меня за ногу костлявая длань – ей я очень даже заинтересовался. В краткий миг, когда скелет «ожил» и начал вздыматься, я успел заметить яркий блеск на одной из костяных фаланг пальцев, очень похожий на сверкнувшее...

Положив небольшой кусок тяжелого металла на ладонь, я пристально взгляделся в него и, растянув губы в усмешке, пробормотал:

– Ты моя пр-рел-лесть...

Кольцо. Вернее, массивный золотой перстень с внушительной печаткой – если не ошибаюсь, именно такими вот печатками заверяют важные документы. И что самое главное: на печатке имелось рельефное изображение дворянского герба. Сам герб мне незнаком, но это уже мелочи – по внутренней стороне ободка шла вычурная надпись: «Кассиус Ван Лигас».

– Рад познакомиться, Кассиус. – серьезно кивнул я, обращаясь к скелету. – Если, конечно, ты Кассиус, а не грабитель, сорвавший перстень с мертвого тела. Хотя... – глядя на великанские размеры останков, мне пришла в голову неплохая

идея.

Взяв фамильный перстень-печатку, я надел ее на указательный палец и сразу понял, что кольцо для меня слишком большое. То же самое произошло и с большим пальцем – перстень свободно болтался на нем. Нет, это кольцо, несомненно, делали по особым меркам для очень большого человека с толстыми пальцами. И слепо смотрящий в смурое небо скелет полностью отвечал этим требованиям.

– Прости, что сомневался, Кассиус. – извинился я. – Знаешь, твое имя кажется мне знакомым. Такое впечатление, что я уже слышал его однажды... вспомнить бы, где именно...

В последний раз нагнувшись над скелетом, я осторожно надел перстень обратно на его палец. Мне фамильная печатка не нужна. Надпись и рисунок герба я запомнил и мог повторить или даже нарисовать их на любом клочке бумаги. Забирать у мертвого родовое кольцо – это чересчур. А вот ворох разномастных серебряных и золотых цепочек – это совсем другое дело. Почившему Кассиусу они больше без надобности, а мне в хозяйстве пригодятся. Не знаю, правда, зачем, но я мужик запасливый. Руководствуясь этими соображениями, я без смущения снял украшения с останков и бросил их на уже припорошенную снежком куртку.

Опять начался снегопад. Вообще хорошо. С недавних пор я очень сильно полюбил снег. Да и следы наши он заметет, что тоже немаловажно. Ведь рано или поздно шурды обязательно хватятся запропастившихся сородичей, что отправились к мертвому озеру на встречу с поганим Тарисом, а вместо этого попали прямиком в лапы оголодавших ниргалов. Первый раз от шурдов была польза – хотя бы в виде корма.

Ледяные щупальца упорно не хотели отрываться от меня, ухватились намертво. Пришлось поместить кристалл в центр куртки среди прочих находок. Свернув одежду в узел и закинув его на плечо, я пошагал к краю лощины – в противоположном направлении от наваленной ниргалами груды веток и мелких бревнышек. Стоять рядом с пылающим погребальным костром у меня нет ни малейшего желания. К этому времени начался закат. До наступления полной темноты оставалось не больше часа, и я велел ниргалам разбить лагерь. Переночуем здесь.

Сам я спать не собирался. Надо разобрать все находки, определить их важность. Бережно очистить и просушить куски пергамента, постараться прочесть хоть что-нибудь. Вдруг да наткнусь на описание более чем странного куска горного хрусталя с пучком щупалец. Если я хочу понять происходящее со мной – а я хочу! – надо искать достоверные сведения. Я очень надеялся, что найду среди сгнивших остатков сумки хоть что-то полезное.

А завтра с первыми лучами рассвета мы продолжим наш путь. Путь домой. Больше мне некуда податься.

Отступление второе

Подземная келья, по сути, представляла собой обычную тюремную камеру.

Толстые каменные стены, окованная железными полосами надежная дверь с массивным засовом и крошечное окошко под самым потолком, забранное крепкой решеткой. В келье с превеликим трудом поместилась узкая скамья, заняв собой большую часть пустого пространства. На выступающем из стены камне прилепился свечной огарок с крохотным трепещущим от сквозняка желтым огоньком, что отражался в неподвижных зрачках седого старика в простом белом балахоне священника. Отец Флатис давно уж сидел вот так, неподвижно словно статуя, не отводя застывших глаз от огня свечи.

Когда в коридоре загрохотал отодвигаемый засов и заскрипели несмазанные дверные петли, старик не шевельнулся, словно и не услышал легких шагов в коридоре.

– Созерцаешь пылающий огонь, отец Флатис? – прошелестел тихий вкрадчивый голос, донесшийся из дверного проема. – Вглядываешься в пламя? И что же ты видишь в нем? Сожалеешь о безвозвратно утраченном огненном даре? Ведь обладай ты им, мог бы с легкостью испепелить дверь и вырваться на свободу...

– На свободу? Разве я в тюрьме? – с безразличием спросил отец Флатис. – На меня всего лишь наложена епитимья, отче. А я всего лишь смиренный священник, беспрекословно покоряющийся церковному уставу.

– Это так. – подтвердил голос невидимого в темноте коридора человека. – Но вот смиренный ли... Из моей памяти еще не стерлись воспоминания о пылающих развалинах твоей родной деревни... как ее там... Тихий омут кажется...

– Тихая Заводь. – тихо, почти беззвучно прошептал старик, до хруста в пальцах сжимая ладони. – Тихая Заводь.

– Ах да! Тихая Заводь... я помню языки бушующего пламени, горящие пшеничные поля, проваливающиеся крыши домов, крики сжигаемых заживо детей, женщин... помню плывущие над рекой облака черного дыма... ты устроил знатный погребальный костер для своих родителей, для Лилис и своего ребенка в ее чреве... Я все еще помню те дни... А вспоминаешь ли ты об этом? Или предпочел стереть тягостные воспоминания из памяти?

– Вспоминаю. – глухо отозвался отец Флатис. – Видит Создатель, я вспоминаю об этом каждый день. И мне никогда не искупить тяжкий грех...

– В твоем поступке не было греха, сын мой! Ты лишь выполнял приказ, сделал то, что следовало сделать. Не соверши ты этого деяния, и могильная чума распространилась бы по всей округе! Поразила бы куда больше безвинных людей... Деяния во благо не обходятся без жертв!

– ...не обходятся без жертв. – повторил старик, опуская голову. – Ты же знаешь – именно мы принесли чуму в Тихую Заводь! Из проклятого Создателем нашим могильника Ашура! Из его зловонных глубин! Если б я ведал... Если б я тогда знал...

– Что сделано, того не изменить. – неизвестный ступил вперед и опустил на скамью небольшой мешок. – Ты сделал правильный выбор. Спас многих людей от ужасной участи... И самое главное – ты умеешь выполнять приказы, выполнять их самолично, не перекладывая гнет на чужие плечи. Это весьма ценное качество, сын мой!

– Своим проклятым даром я уничтожил все то, что мне было дорого в этом мире... – прошептал отец Флатис, прикрывая глаза. Из-под опущенных век скатились две одинокие слезинки, оставляя мокрые дорожки на морщинистых щеках. – Святой отец Ликар... с чем ты пришел в мою келью?

– Епитимья окончена, отец Флатис. В мешке твои вещи, немного денег и провианта. Во дворе тебя дожидается уже оседланная лошадь и три десятка умелых братьев-монахов. Тебе пора выполнить еще один приказ. И когда придет время принять решение, вспомни, как поддержала тебя церковь, не дала надломиться в столь трудный час скорби...

– Чем я могу послужить Создателю нашему?

– Найди кинжал проклятого некроманта! Найди «младшего близнеца» и доставь сюда. В целости и сохранности! В мешке найдешь ты небольшую шкатулку и несколько «вестников». Едва кинжал некроманта попадет в твои руки, сразу же помести его в шкатулку и дай нам знать.

– Это все?

– Это все. Долгие годы ты шел по следу убийцы и некроманта, ты воочию видел «младшего близнеца» и уже пытался его уничтожить – твой опыт неоценим, и было бы грешно держать тебя в келье, когда кинжал неизвестно где и вот-вот обретет нового повелителя! Помолись Создателю, испроси его благословения перед тем, как выступить в путь, и приступай к выполнению возложенной на тебя священной миссии! Да не медли!

Взмахнув полой плаща, собеседник развернулся и покинул келью, оставив старика в одиночестве.

По-прежнему не сводя глаз со свечи, отец Флатис накрыл ладонью огонек и резко сжал кулак. В воцарившейся темноте послышался тихий голос:

– Доставить в целости и сохранности, в целости и сохранности... вы играете с огнем, святые отцы... – слепящая вспышка озарила келью, изгнав тени из самых темных углов. Отец Флатис поднес к лицу ярко пылающий кулак, всмотрелся в огонь, сложил губы трубочкой и одним дуновением затушил пламя, вновь погружая келью во тьму: – ...а с огнем шутки плохи...

Глава третья

Хитрость, граничащая с наглостью

Когда через густые сплетения кустарника до меня донеслась чья-то перебранка, я остановился как вкопанный и с неверием прислушался.

Эти голоса... Я определенно знал, кому они принадлежат. Но этого не могло быть! Несколько недель назад я самолично отправил их... Да нет... невозможно...
Очередная злобная шутка Диких Земель...

- А я говорить - каша делать! Офисяный! Уммм! Вкусный!

- Вот ведь дурная голова! Какая каша?! У нас овса пару горсточек осталось, да и те для господина приберегаю! Как придет он замерзший и голодный, так мы его сразу горячей кашей с пылу с жару и накормим! Понял?!

- Нет понял! Один горстка для друг Корис, другой горстка для голодный гном!

- А рыло не треснет?! А ну убери грабли от мешка! Кому сказано?! Пока я тебя валежиной поперек спины не приложил!

- Молоток в лоб дам!

- Я те дам! Я тебе так дам, склирс коротконогий! И молотком ворованным у меня перед носом не маши! Не шибко-то и страшно!

Продолжая прислушиваться к перепалке, я несколько отклонился в сторону и быстрым шагом направился к виднеющейся среди деревьев поляне, откуда доносились голоса. Ниргалы столь же молчаливо пристроились следом.

- Голодный гном - очень страшный гном! Не подходи!

- Нет, ты только глянь на него, а?! Не тронь мешок! Вон заяц есть, его и лопай, прорва ты ненасытная!

- Позавчера - заяц! Вчера - тоже заяц! Каждый день - заяц! Я ненавижу заяц!
Хочу каша офисяный! Отцепись от мешок!

– Не отцеплюсь! – пропыхтел задыхающийся от усилий голос. – Убери руки, кому сказано! Ах ты скотина жадная! Вот тебе! Снег тебе в пасть, а не кашу господина нашего! Вот тебе сосулька в зубы!

– Тьфу! Отдай мешок! Каша хотеть! Тьфу!

К этому моменту я выбрался на открытое место и обнаружил, что оказался на достаточно большой поляне. Шагах в десяти от меня по земле катались два сплетенных тела, с ожесточением вырывая друг у друга тощий заплечный мешок. В запорошенных снегом фигурах я безо всякого труда опознал обросшего рыжей бородкой Лени и ничуть не изменившегося Тиксу. Оба драчуна были настолько заняты друг другом, что не заметили ни меня, ни трех ниргалов и лошадь.

– А-а-а! Ухо! Ухо не грызть! – взвыл рыжий, и замолотил ногами по снегу. – На, забирай мешок! Чтоб ты подавился этой кашей!

– Давиться? Нет-нет! Вкусный каша нельзя давиться! Вместе кушать! Горстка офисяной каши, чуть-чуть заяц и два ветка от вон тот куст! М-м-м очень вкусна! – поделился Тикса рецептом будущего обеда. – Вместе кушать!

– Эй! Орлы! – зло рявкнул я, окончательно убедившись, что это не галлюцинация, а пусть необъяснимая, но все же реальность. – Какого.... Вы что тут делаете, а?! Я вас куда посылал?!

Мой злобный «рявк» подействовал на еще возящихся в снегу драчунов так быстро, что я чуть было не приписал своему голосу магические способности – гном и рыжий подлетели с земли как от мощного пинка под зад и, суматошно протерев запорошенные снегом глаза, пристально уставились на меня. Молча. Да и особой радости в их взглядах я что-то не заметил.

Проломив кустарник, на поляну вывалились ниргалы. Последний из троицы вел в поводу лошадь.

– Что молчим? – рыкнул я, угрожающе делая шаг вперед. – Жду объяснений!

Дальше все пошло наперекосяк. Я ожидал увидеть покаянные морды и услышать не менее покаянные речи, а вместо этого узрел направленный на меня меч, топор и молоток – Тикса отличился и здесь. На меня смотрели две пары расширенных глаз, в которых с каждой секундой прибавлялось ужаса и отчаянной решимости обреченных.

И только сейчас я осознал свою оплошность. Понял, что именно они видят перед собой – закутанную в промороженный дырявый черный плащ мрачную фигуру, лицо скрыто рваным капюшоном, а над плечами извивается с десятков полупрозрачных ледяных щупалец – непонятный кристалл я поместил в заплечный мешок, пропустив пучок отростков через его горловину. Не подмышкой же тащить.

Я запоздало попытался втянуть прозрачные кисти рук поглубже в рукава, но это уже ничего не решало – рыжий Лени ухватился за меч обеими руками и с нечленораздельным воплем бросился в атаку. Следом кинулся Тикса, правда, он оказался несколько умнее Лени и первым делом швырнул молоток в одного из ниргалов. Раздался громкий лязг металла. Я понял, что молоток нашел свою цель – врезался в ниргала и безвредно отскочил от его несокрушимой брони.

– Лени! Тикса! – поспешно завопил я, отступая назад. – Это же я! Я! Ваш господин! Ниргалы, стоять! Приказ!

Тщетно... меня просто не услышали. Вернее, ниргалы меня как раз услышали и вернули мечи обратно в ножны, а вот Тикса и Лени поступили иначе.

– Бей тварь! – заорал рыжий.

Одним прыжком оказавшись рядом со мной, Лени обрушил меч на мою голову.

– Ир рис Коллейн! – еще громче закричал гном, опуская лезвие топора на мою коленную чашечку.

На этом бой закончился.

Я неспешно отступил в сторону от двух живых статуй – живущие своей жизнью щупальца сильно заинтересовались замершими в необычных позах недотепами

и все норовили попробовать их на предмет съедобности.

Скептически оглядев весьма абстрактную скульптурную композицию, я вздохнул, сокрушенно покачал головой, обернулся к стоящим полукругом ниргалам и зло буркнул:

– Прошу вас не обделит вниманием эту весьма живописную скульптуру времен позднего Дикоземелья. Оцените изящность линий, взгляните на этот яростный напор и реалистичность, которыми пропитана каждая из фигур. К моему глубокому сожалению, медную табличку с названием отнесли на реставрацию, но, к счастью, я помню его наизусть. Вот оно – «глупцы идут в атаку». Как вы видите, сие название взято не с потолка. О нет! Неизвестный скульпт...

Закончить я не успел. Практически одновременно оба горе-воина рухнули на землю, словно подрубленные деревья и затряслись в конвульсиях, взрывая сапогами снег и колотясь затылками о мерзлую землю.

– Г-гос-сп-под-дин пр-росстите м-еня. – содрогаясь в судорогах, выдохнул Лени, стараясь нащупать меня взглядом закатывающихся под лоб глаз.

– Г-госп-подина! Ли эс грам мира! – это уже Тикса выдавил из себя причудливую смесь гномьего и человеческого языков.

Словно не услышав мольбы, я прошелся перед распростертыми телами и задумчиво произнес:

– Господин, говорите? Хм... сомневаюсь, что я ваш господин. Приказы мои вы не выполняете, с оружием кидаетесь...

– Гос-спод-дин, прос-стите м-еня!

– Госп-подина, пр-ростить меня. – тонко заверещал Тикса, наконец выудивший из памяти человеческое слово «простить».

– Вот и еще один пример! Перебиваете меня! – повысил я голос. – Разве господина можно перебивать? Можно с мысли сбивать? А? Где смиренное послушание, где почтительность и уважение? Где, я спрашиваю?!

– Г-гос-сподина... – уже изнемогал коротышка, кося на меня неестественно выпучившимся глазом.

– А, к черту! – выругался я. – Тикса, я прощаю тебя! Лени, я прощаю тебя!

Как и памятным днем в разоренном шурдами поселении Ван Ферсис мои слова подействовали мгновенно. Оба несчастных вояки с облегчением распластались на взрытом снегу и хрипло задышали, бездумно таращась в низкое зимнее небо. Решив, что следует выждать несколько минут, пока к ним не вернется дар речи, я отошел на пару шагов. Щупальца так и не успокоились, хищно вытягиваясь к лежащим на земле телам. Ниргалам безразлично все, кроме моей безопасности. Ну а я с интересом огляделся по сторонам. Здесь было на что взглянуть.

Узкая поляна надежно скрыта за плотно растущими деревьями и зарослями кустарника – даже зимой, когда вся листва облетела, это укромное место практически невозможно увидеть со стороны. Под склоненными к земле лапами большой ели обустроено нечто вроде загона для лошадей – в землю попарно вбиты толстые колья, а между ними углом навалены мелкие бревнышки, палки и нарубленный лапник, образуя непроницаемый для ветра барьер. С другой стороны загона высится толстый древесный ствол, у входа пылает жаркий костер, над головами лошадей медленно колышутся пушистые еловые лапы, надежно защищая от снегопада. Животные укрыты попонами, на расчищенной от снега земле лежат охапки жухлой травы и тонких веток. Лучшего походного укрытия для лошадей и не придумать.

Задумчиво хмыкнув, я повел глазами в сторону и остановил взгляд на непонятном сооружении, больше всего напоминающего бесформенную кучу веток. Однако, стоило присмотреться внимательней, и я заметил в его основание темное отверстие входа, а перед ним еще один, едва тлеющий костерок, лижущий дно закоптелого котелка с закипающей водой. На земле пара ободранных заячьих тушек... в общем, мне все стало ясно.

– Да вы тут, никак, зимовать собрались, а? – не оборачиваясь, поинтересовался я, услышав невнятное кряхтенье и бормотание. – И какого лешего? Я же сказал – прямиком домой!

– Г-г-господин? – раздался робкий голос рыжего. – Вы?

– Что г-г-г? – передразнил я начавшего заикаться Лени, окуная ладони в наметенный ветром сугроб. – Я, конечно! Или вы другого кого ожидали увидеть?

– Г-господина?! А?! – теперь, от ступора очнулся Тикса. – О-о-о...

– А, чтоб тебя! – не выдержал я, с хрустом сжимая снег в ладонях. – Да! Это я! Еще раз спрашиваю! Какого лешего здесь делаете? Вы уже должны были оказаться у Асдоры! Причем на ее противоположном берегу!

– Господин! Живой! – в голосе рыжего отчетливо слышалась искренняя радость, и мой гнев начал утихать. Как можно сердиться на того, кто столь искренне рад вновь тебя видеть?

– Живой! – вновь воскликнул Лени, все еще сидя в снегу и не пытаясь подняться, словно у него в одночасье отнялись ноги. – Слава Создателю! Не попустил! Живехонек господин наш! Счастье-то какое!

Вздыхнув, я развернулся к друзьям и, разведя руками, признался:

– Да живой я, живой.

– Иса во риз! Пачиму змея над головой?! А?!

– Не акай! Тикса, вот ты лучше пока помолчи, не трави душу! – фыркнул я и отступил на шаг, почувствовав исходящую от рыжего Лени волну неприятного тепла. словно острыми коготками по коже прошлись.

– Нет, но пачиму змея над голова бултыхаться?! Много змея!

– Тикса! – уже в два голоса рявкнули мы с рыжим. Не удовлетворившись одними словами, Лени пихнул коротышку ногой в бок.

– Ой! Что Тикса?! Что?! – возопил гном и, с размаху залепив Лени оплеуху, ткнул дрожащим пальцем в меня. – Не видеть?! Ослеп рижий, глупый, дурной?! Я же говорить – змея над голова бултыхаться! Змея! Не понимать?!

– Это я рыжий, глупый и дурной? – взъярился было Лени, но тут же опомнился и, позабыв о гноме, вскочил на ноги: – Простите, господин! Нет, ну радость-то какая! Живехонький!

– Все обошлось. – улыбнулся я промерзшими губами, чувствуя, как трескается покрывающая мои щеки ледяная корка. – И все же, как вы здесь очутились? Или по дороге что случилось? Заболел кто? Может, лошади обезножели? Ну? Чего молчите, словно язык примерз?

– Спасибо за заботу, господин. – рыжий неуклюже поклонился и шмыгнул простуженным носом. – Здоровы мы, слава Создателю...

– И великому Отцу! – вставил свое словечко гном.

– ... и ему тоже. – согласился Лени. – Лошади в порядке, дорога и вовсе спокойная была, словно не в Диких Землях тайком пробираемся, а по наезженному тракту на ярмарку в соседнюю деревню направляемся.

– Ну и почему вы тогда здесь? – спросил я, несколько растерявшись.

Мой, казалось бы, обычный вопрос заставил недавних драчунов опустить головы к земле и промычать что-то абсолютно невнятное. Я хотел было еще раз рявкнуть, но тут Тикса наконец решился и, первый раз взглянув мне в глаза, на одном дыхании выпалил:

– Друг Корис! Ты говорить – идти домой! Карта давать, книжка давать и рукой махнуть – быстро домой идти! А как?! Как домой?! Что Койн сказать, когда нас без тебя видеть?! А?! Что Рикар говорить?! Как всем в глаза смотреть?! Два здоровый воин как трусливый склирс обратно домой прибежать, за стол сесть и каша трескать, а господина в лесу на смерть бросать, да?!

– Правильно он говорит, господин! – поддержал гнома Лени. – Как есть правильно! Как нам домой возвращаться?! Сами целые и без единой царапинки, а раненого господина тварям отвратным на растерзание оставили! И как на людей смотреть, как оправдываться?! Мы же не дураки совсем, понимали, что вы на смерть собрались и поэтому нас домой отправляете! Мы с Тиксой сели тогда на лошадей, едем, а у самих слезы на глазах, душа волком воет, в ушах крик стоит – «назад, назад коней разворачивай!», а не можем! Приказа вашего

ослушаться как можно?! Вы уж простите, господин, но не дело это! Видит Создатель, не для того мой отец роду вашему клятву крови приносил, чтобы родной его сын господина в беде бросил! Не для этого!

– Нет, не для этого! – кивнул Тикса, в подтверждение своих слов топнув ногой. – Тикса тоже клятва давать! Рука резать, кувшин крови проливать, целый день тот длинный клятва учить! Для чего?! Чтобы потом на лошадь сесть и раненый друг бросить?! Плохо, друг Корис! Очень плохо ты делать!

Почти утонув под обрушившимся на меня водопадом гневных слов, я замахал руками, останавливая разошедшихся обвинителей, и буркнул:

– Ишь, разговорились! Говорите, приказа моего послушаться не можете? Но ведь ослушались же! Ослушались!

– Нет, господин. – мотнул рыжей головой Лени, стряхивая с прядей налипший снег – Как можно? Все, что вы наказали, в точности выполняем! До последнего словечка!

– Что? – опешил я. – Лени! Побойся Бога! Да вы здесь настоящую зимовку обустроили! Почитай, целую конюшню выстроили, себе хижину отгрохали! Ты меня совсем за дурака держишь?

– Как можно, господин! – повторил Лени. – Как мы с вами прощались в тот день проклятый, вы нам наказали: «отправляетесь домой, как доберетесь, отдадите сумку с бумагами Рикару, теперь он становится старшим в поселении. А я пока здесь задержусь. Как с делами разберусь, так сразу за вами следом». Я каждое ваше слово наизусть помню!

– Тикса тоже помнить! Навизусть! – коротышка плутовски ухмыльнулся в еще больше отросшую бороду. – Каждый словечко!

– Но вы же не сказали, как быстро мы должны ехать! Вот мы и едем, потихонечку-полегонечку, лошадей бережем, по сторонам поглядываем. – закончил речь Лени и на всякий случай отступил назад, спрятавшись за спиной коротышки.

– И как много за день проходите? – вкрадчивым голосом поинтересовался я, придвигаясь к двоице друзей.

– Очень много проходим. – уверил меня Тикса, в свою очередь, пятясь назад. – Устаем!

– Сколько лиг за день вы проходите?! – уже в голос рявкнул я, заставив обоих хитрецов подпрыгнуть на месте. – Отвечайте!

– М-м-м... шаг, господин. – еле слышно ответил рыжий, косясь в сторону заснеженного кустарника, что начинался в пяти шагах от нас.

– Сколько?!

– Д-делаем один ш-шаг, господин...

– Ба-альшой, ба-альшой шаг, друг Корис! Устаем быстро! Очень...

Дальнейшие слова гнома потонули в моем разъяренном рыке. Словно почувствовав мое настроение, щупальца одновременно взвились в воздух и неистово затрепетали. Парочка самых длинных и толстых ледяных отростков с пронзительным свистом рассекла морозный воздух стегающими ударами.

– А-а-а! – завопили оба хитреца и, будто заранее успев договориться, одновременно кинулись к кустам. Мгновенно преодолев поляну, рыбкой нырнули в густые заросли, обрушив с ветвей водопад снега с черным вкраплениями мертвой листвы.

– А ну идите сюда! – рявкнул я. – Один шаг?! Я вам покажу, сколько лиг в день надо проходить! Я вас научу!

– Господин, вы же сами сказали, что нагоните нас, как с делами разберетесь! – отозвался из-за кустов голос Лени. – Вот мы и не торопились, ждали вас! Правда же, Тикса?

– Правда! Честная правда! – отозвался гном, на миг высовывая хитрую физиономию из кустов.

– Я кому велел?! А ну идите сюда!

– Господин, не сердчайте вы так! Видите, как Создатель судьбами нашими распорядился – не разминулись в пути, встретились вновь. Это знак, господин! Ведь вы могли и мимо пройти!

– Лени, что ты плетешь? – крикнул я кустам, чувствуя, что начинаю остывать. – Да шум вашей драки за десять лиг слышно было! Глухой бы услышал! Ладно... выползайте из кустов пока как я в ледышки не превратились. Живо!

Ветки затряслись и через мгновение передо мной появился облепленный коркой снега Лени, улыбающийся до ушей.

– Слушаемся, господин!

– Слушаются они, как же. – уже беззлобно проворчал я, переводя взгляд на застрявшего в переплетении ветвей гнома, никак не могущего выбраться. – Вон, иди друга своего распутывай.

– Тикса сам! – возразил мне гном, остервенело дергаясь в растительных путах. – Друг Корис! Ты скажи – вот пачиму над голова...

– Тикса! – Лени поспешно перебил коротышку. – Вы уж простите его, господин! Спрашивает, что не попадя. Ну, появились эти ледышки страшные, змееподобные и ладно – в жизни всяко бывает. Главное, что живы остались!

Хмыкнув, я покрутил головой, чуть подумал и распорядился, как-то незаметно принимая на себя вновь все обязанности предводителя:

– Выпутывай Тиксу из ветвей, затем делами займитесь – мою лошадь в загон поставьте, в костер дров подбросьте. Кашу на всех делайте. Ниргалы тоже перекусить не откажутся.

– Ниргалы от каши? – изумленно переспросил Лени. – Они же только гадость серую из фляг хлебают!

– Все вопросы потом. – отмахнулся я. – Давайте, принимайтесь за дело. А как со всеми хлопотами разберетесь, так сядем и поговорим. Все расскажу – и про змей тоже.

Кивнув, оба моих новоприобретенных спутника разбежались в разные стороны. Лени поспешил к оголодавшей за время пути лошади и, забрав поводья у застывшего на месте ниргала, повел ее к ели, где была обустроена пусть примитивная, но все же конюшня. Тикса первым делом подцепил из снега мешок и потащил к костру, намереваясь наварить той самой «офисной каши». Глядя как коротышка хлопочет над затухающим костром, я не выдержал и подначил его:

– Тикса! А про молоток свой уворованный забыл совсем?

Охнув, гном всплеснул руками и словно колобок покатился к ниргалам, где в одном из сугробов покоился его драгоценный инструмент.

Фыркнув, я задрал голову к небу, где проползали мохнатые серые облака, и невольно улыбнулся. Я был рад. Рад, что мои друзья остались живы и что мы снова встретились.

Возможно, Лени не так уж и ошибается – это судьба. Поглазев пару минут на мельтешащие в воздухе тысячи белых снежинок, я развернулся и зашагал к ожидающим моих приказов ниргалам...

Обрадованный неожиданной встречей я махнул рукой на сон. Мы засиделись за рассказом о моих злоключениях почти до самого утра. Благо один из ниргалов исправно нес стражу, а остальные двое сидели чуть поодаль и словно прислушивались к беседе, изредка поводя по сторонам отблескивающими под лунным светом шлемами.

Рыжий с Тиксой, начисто позабыв о морозе, замороженно слушали, а я в красках повествовал о случившихся после нашего расставания событиях. Говорил о тяжелом путешествии до самого мертвого озера, о том, как я карабкался на вершину обледеневшего зиккурата Тариса Некроманта, о гробнице из багрового камня, о моей беседе с древним злом и о финале нашей встречи – когда меня захлестнуло цепью и утащило под воду, следом за неистово бьющимся внутри саркофага Тарисом. Если честно, в том, что Тарис прямо-таки бился внутри

саркофага и ломал свои изогнутые когти о каменную крышку, я вовсе не был уверен. Просто немножко приукрасил события – уж больно понравились мне вытаращенные глаза гнома и рыжего, когда я в красках живописал свои приключения. Рассказал я и о том, как очнулся на берегу озера и как обнаружил, что превратился в кусок льда, как нашел в могиле кристалл ограненного горного хрусталя с растущими из него ледяными щупальцами. Зловещим и слегка подвывающим голосом описал гигантский скелет со светящимися багровыми углями глазницами, о костлявой руке, сомкнувшейся на моей ноге – в этот момент Тикса отчетливо заклацал зубами, а Лени судорожно сглотнул и несколько раз осенил себя священным знаком Создателя.

В общем, посидели мы очень неплохо, и, помимо того, что отвели за разговором душу, я совершенно неожиданно для себя узнал нечто весьма интересное. Стоило мне описать перстень с печаткой и назвать имя «Кассиус Ван Лигас», как Лени пораженно ахнул и подпрыгнул на месте.

– Кассиус Ван Лигас! Святой Создатель! Милостивый и Всемогущий!

– Ты знаешь это имя? – вздрогнув, задал я уже ненужный вопрос.

– Да любой мальчишка из самой захудалой деревни знает это имя, господин! Ведь я же рассказывал о нем Гвиндесу – тому магу иллюзорий, что попал в лапы красноглазых пауков! Помните, господин? Вы же рядышком сидели!

– Ты хотел сказать – магу иллюзий. – поправил я Лени и медленно кивнул. – Да, имя Кассиуса Ван Лигас и мне тоже показалось знакомым, я все ломал голову, где его слышал... хочешь сказать...

– Ну, конечно, господин Корис! Это имя из легенды! Последний владыка острова Гангрис! Он был в том отряде, что шел за головой Тариса Некроманта! Правда, присоединился не с самого начала, а уже после той знаменитой битвы на острове, когда из восьмитысячного поселения в живых не осталось никого, а вся семья лорда Кассиуса погибла от руки самого Риза Мертвящего!

– Продолжай, Лени. – поощрил я рассказчика и качнул плечами, глубже погружаясь в сугроб, используемый мною в качестве мягкого кресла. – Только для начала скажи, кто такой Риз Мертвящий.

– Да вы что, господин! – рыжий пораженно всплеснул руками, но тут же опомнился и, шлепнув себя ладонью по лбу, пробубнил. – Ах да... вы же не помните ничего. Ну, так вот, Риз Мертвящий это самый...

– Риз Мертвящий это солдат Тариса! – не выдержал сидящий рядышком Тикса. – Большой солдат! Хитрый!

– Тикса! Ну чего ты лезешь? – возопил Лени, уязвленный до глубины души столь бесцеремонным вмешательством. – Чего лезешь? Я же рассказываю! Иди вон, по камням постучи молотком своим паршивым!

– Я сейчас твоя голова стучать! – пообещал гном, воинственно встопорщив бороду.

– А ну прекратить! – решительно вмешался я в разгорающуюся ссору и, пораженно покрутив головой, добавил: – И как вы друг дружку не поубивали, пока меня не было? Лени, продолжай говорить и не отвлекайся. А ты, Тикса, слушай и, если он что пропустит, потом дополнишь.

– Ха! Чтобы я да пропустил! – фыркнул было рыжий, но наткнувшись на грозный взгляд моих покрытых инеем глаз, осекся, и живо сменил тему: – Риз Мертвящий – так звали самого грозного и умелого полководца, правую руку Тариса Некроманта. Настоящего его имени не знает никто – во всяком случае, я не слышал, хотя по много раз переслушал каждую легенду и сказку о тех временах.

– Понятно. – кивнул я, подтаскивая к себе сумку со своими заметками, письменными принадлежностями и прочими мелочами – я забрал личные вещи сразу же, как обустроил ниргалов. – А почему Мертвящий?

– Да потому, господин, что земля, по которой он прошел сам и провел армию, просто вымирала! Риз не оставлял в живых никого! Даже скот безвинный и тот топорами забивали, про людей несчастных и говорить-то нечего. Старики рассказывали, что, когда началась война между Империей и западными провинциями, принц Тарис послал своего верного Мертвящего к замкам и землям тех западных дворян, что отказались вмешиваться в назревающую бойню и остались в стороне, а то и сохранили верность императору Мезерану. И в назидание остальным непокорным Риз сровнял их родовые замки с землей, выжег дотла деревни, села и почти полностью вырезал город Сильгала – что был

на северном побережье, к западу от Ледяных Клыков. Целый город, господин! Всех под нож пустил, кровопийца проклятый! Говорят, черный дым и зарево огромного пожара были видно даже из столицы!

– Постой, постой, Лени. – остановил я разошедшегося не на шутку рассказчика. – Все, я понял. РОРРиз был лучшим полководцем Тариса Некроманта, он же уничтожил вассальное поселение и семью лорда Ван Лигас, что привело к вступлению Кассиуса в отряд Листера Защитника, направляющегося за головой мятежного принца – хотя, это в легендах говорится, что они якобы шли убивать младшего брата императора, а на самом-то деле... Но это уже детали... В общем, Лени, я правильно тебя понял?

– Аг-га. – с запинкой кивнул Рыжий, несколько ошалевший от моего краткого подведения итогов. – Все так и есть, господин.

– Ладно. – кивнул я, отпихивая от сумки с бумагами парочку излишне любопытных щупалец и доставая книгу для заметок. – Вернемся к лорду Кассиусу. Кто он вообще такой?

– Как кто, господин? Дык, в точности как вы – дворянин самый всамделишный. – шмыгнул носом Лени и посильнее закутался в одеяло. – Только он помер давно, а вы, слава Создателю, живы и здоров... и... И живы!

Покосившись на смущенно замолчавшего рыжего, Тикса пренебрежительно фыркнул:

– Главное – живой! Как домой придем, с Койном поговорить! Койн умный! Много всего знать и про лекарство для друг Корис тоже может знать! Вот!

– Угу. – хмыкнул я. – Хватит меня утешать. Лучше про Кассиуса расскажите! Как он умер?

– Как настоящий воин – в бою! – тотчас ответил Лени и, заметив зверское выражение моего лица, поспешно добавил: – Только это и знаю, господин – пал в битве с врагом, но успел забрать с собой самое малое две сотни вражеских солдат.

– Сколько, сколько? – переспросил я, решив, что Лени оговорился. – Ты, наверно, хотел сказать – два десятка. Да?

– Нет, господин Корис. – отрицательно мотнул головой Лени. – В легенде, что мне рассказывали, говорилось о двухстах поверженных врагах, а то и больше. Оно и неудивительно – боевой маг, как-никак!

– Знаешь, Лени, – горько усмехнулся я, – в последнее время я как-то перестал верить в правдивость древних легенд. Слишком уж часто в них все оказывается перевернуто с ног на голову. Что еще ты знаешь о Кассиусе? Какой у него был магический талант? Вода? Что-то со льдом?

– Больше ничего не знаю, господин. – вздохнул Лени. – В нашей деревне менестрели нечасто останавливались, все больше в вашем замке гостили, а старики изо дня в день одно и то же талдычили, какой уж тут интерес слушать по десятому разу? Хотя я слушал! Запомнил все намертво – оттого и повторил так легко. Но большего не знаю, тут уж врать не стану.

– Ясно. – кивнул я. – Тикса, а ты?

Гном скорчил гримасу и развел руками, давая понять, что знает не больше Рыжего.

– Койн знать! Койн много сказка и легенда знать!

– Значит, тем больше причин добраться до дома поскорее. – улыбнулся я и, взглянув на медленно ползущую по ночному небосклону луну, велел: – Все, давайте-ка спать. Завтра у нас длинный день.

Отправив вновь найденных спутников спать, я положил поверх коленей книгу для заметок и собрался увековечить услышанные и додуманные мною сведения на одной из чистых страниц, но меня ждал удар – чернила превратились в насмешливо поблескивающий под лунным светом кусок черного льда. Со скорбью поскребав напроочь замерзшую жидкость ногтем, я чертыхнулся и вновь упаковал книгу и письменные принадлежности в сумку. Если раньше (до того, как попасть в ледяную ловушку), чтобы отогреть чернила я ставил чернильницу на камень и пододвигал поближе к костру, то теперь такой метод вызывал у меня настоящий животный ужас. Придется лечь на свою многократно

ушибленную голову и постараться ничего не забыть. А кто виноват в том, что я не могу написать ни слова? Я сам! Если б не отдал в свое время магическое перышко в загребущие руки отца Флатиса, то сейчас вовсю строчил бы слово за словом! Ну, не дурак ли?..

Хотя... ведь я видел точно такое же перышко, когда бесцеремонно рылся в... В могиле Кассиуса!

Обрадовано подскочив, я поспешно сорвал со спины заплечный рюкзак и, отодвинув в сторону кусок светящегося хрусталя, зарылся в найденных вещах с головой. Мои пальцы скользили среди полуистлевших обрывков пергамента, запутывались в переплетениях многочисленных золотых и серебряных цепочек. В тот момент, когда мое терпение окончательно истощилось, и я хотел вытрусить содержимое мешка на снег, я наконец наткнулся на тонкий стержень магического письменного пера. Осторожно вытащив стило из мешка, я сдул с него комочки грязи и с большим удовлетворением убедился, что оно выглядит неповрежденным. Абсолютно белое перо с аккуратно подрезанным оперением, скошенный кончик слегка испачкан в чернилах – полное ощущение, что его лишь намедни выдернули из хвоста важного гусака и, очинив на скорую руку, окунули в чернильницу.

Ухватившись за перо, я пролистал книгу до чистой страницы (коих осталось всего ничего), затаив дыхание, вывел первую букву и с искренним изумлением увидел протянувшуюся по бумаге тонкую линию чернил. Работает! Магическое стило неизвестно сколько лет служило своему первому владельцу, затем два столетия пролежало в сырой земле, но все еще работает.

– Ну мастера, ну умельцы. – тихо, но с уважением пробормотал я, покрутил в удивлении головой, а затем повернул книгу так, чтобы на открытые страницы падал тусклый лунный свет и принялся строчить слово за словом.

Представляю, как это выглядело со стороны – некто больше всего похожий на хорошенько замороженного и облезлого мертвяка с веером извивающихся белесых щупалец над головой, скрестив ноги, сидит в глубоком снегу и что-то увлеченно пишет в раскрытой на коленях книге. И все это под мертвенно-желтым сиянием ночного светила... Да уж, зрелище не для слабых духом.

* * *

Спустя день пути я уже не был настолько рад воссоединению с друзьями. Далеко не рад. За время вынужденного одиночества – сопровождающих меня ниргалов я никак не мог воспринимать в качестве обычных спутников – я привык к тишине, когда изо дня в день мне не с кем было перекинуться словечком. Теперь же мне очень быстро напомнили все прелести совместного путешествия с говорливым Лени и неугомонным Тиксой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/dem-mihaylov/ledyanoe-proklyatie>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)